

ТРЭШ

Бог - ди-джей, а мы - танцоры,
Судьба рисует свои узоры:
Кому - тату, кому – кубизм,
Но, в общем, то же - идиотизм,
Кому – на сердце, кому - на лбу.
Давай-ка, потанцуем, детка,
И я из жизни уйду.

Dj BONY

ЭКСТРЕМИСТ.

Проснулся я в 6 часов утра от заунывного крика моего кота Васьки. Его вопли напоминают чем-то сирену - ни один кот в мире так не орёт, я уверен. Я опустил руку с дивана на пол, автоматом нащупал тапок и запустил им в Васисуалия. Движения были точными и отточенными, попадание – прямо в кошачью голову - выработанная годами привычка. Васька рявкнул, отлетел в сторону и замолчал до десяти утра, - у меня было время немного поспать, и это при том, что домой я пришёл в 5 часов утра. romanrevakshyn.su

«Шайзе клуб» находится в историческом центре Москвы. Когда я впервые увидел вывеску клуба, то сразу понял - это то место, где можно интересно и познавательно провести свободное время, и понял, что рано или поздно я туда загляну.

Здание, в подвале которого располагается питейно-развлекательное заведение, постоянно находится в состоянии какой-то непрекращающейся реконструкции и окружено лесами, но я ни разу не видел на них ни одного рабочего или каких-либо других признаков строительных работ. Владелец бара, скорее всего, человек весёлый, - я несколько раз потом, случайно, видел эту выдающуюся личность и могу только сказать, что выглядит он как гламурный бомж неопределённого пола.

Первый раз я забрёл туда с моим закадычным другом - молодым художником Максимом Самоедовым, личностью неограниченных творческих способностей и таких же сексуальных потребностей, - по сравнению с ним я всего лишь тип с неограниченной безответственностью. В тот день, как сейчас помню, всю улицу перегородила огромная лужа, целое озеро, образовавшееся из-за прорыва водопроводной магистрали, - впоследствии в прессе событие получило приз в номинации «Прорыв года», - и мы с Максом просто упёрлись в это чёртово здание, обходя лужу. Так мы решили заглянуть в клуб... Клуб порадовал нас своим

оформлением в стиле копрофилии: везде были наклеены калоимитации; а затем и своим алкогольным меню: коктейли были типа «Кислотный дождь» или «Контрольный выстрел» и ещё всякого подобного трэша, и были способны завалить слона. Особенно вставил нам сам дух дешёвой забегаловки с низкими ценами. Напробовавшись коктейлей под названиями «Убей себя молодым» и «Коктейль Молотова», мы, неожиданно для себя, прониклись симпатией к посетителям клуба, многие из которых просто валялись там на полу. После этого визита мы стали регулярно посещать это место, так нам понравилась царившая там безнаказанность... После шести вечера, когда у большинства посетителей уровень выпитого пива начинал достигать уровня глаз, все в баре, включая барменов Колю Хромого и Петю Зелёного, начинали брататься и родниться, как будто были братьями и сёстрами. Так мы с Максом постепенно, но быстро, обросли кучей новых знакомых, чего с нами не происходило ни в одном другом увеселительном заведении.

Из-за того, что Макс вёл не только очень активную беспорядочную творческую жизнь, но и такую же половую, и постоянно стремился уединиться с какой-нибудь новой подругой в укромное местечко, мне часто приходилось в одиночку искать развлечений, и, обычно, я не придумывал ничего лучшего, как пойти в «Шайзе» и целый день трепаться там с кем-то из этих самых знакомых. Сам я тоже люблю клубничку – клубную музыку - работаю, если это можно назвать работой, DJ-ем в одном ночном клубе, но отдыхать на работе мне, почему-то, совсем не радостно, хотя и есть возможность посидеть после дрессировки дисков и треков и выпить кофе.

В Москве стояло на редкость жаркое лето, был понедельник - мой клуб не работал. Макс залёг у меня дома с Леночкой из его группы в изобразительной студии, чтобы, по просьбе Леночки, попробовать решить демографический вопрос, и, судя по страстным поцелуям ещё в коридоре подъезда, они должны были освободиться не раньше, чем через неделю. Недолго размышляя над тем куда податься, я направил свои «Гриндеры» в «Шайзе». В клубе, как всегда, было душно и накурено. Сам я не курю, люблю с некоторого времени спорт и лишь позволяю себе время от времени мертвецки надрататься. Честно признаюсь: хочу прожить до ста лет. Не потому, что хочется подольше пожить или боюсь умереть – нет, эти

страхи атрофировались у меня ещё в армии, просто есть сильное желание увидеть, чем весь этот бардак закончится. Я залпом выпил бокал холодного пива и, удобно расположившись на стуле, расслабился, хотя стулья в клубе, сука, твёрдые, как брёвна. Как раз в это время Петя Зелёный завёл «Violator» – шедевр «Depeche Mode», а ничего лучшего для отдыха и не нужно. Кстати, чтобы понять, почему Петю называют «Зелёным» не надо быть гением – достаточно только взглянуть на его тощую физиономию, которая, кроме зелёного, иногда принимает ещё и светло серый, а иногда и жёлтый цвет. От чего у него такой цвет лица – не совсем понятно, но я подозреваю, что это от нелюбви к физическим упражнениям и большой любви к сигаретам: три пачки в день, не меньше, отвечаю. Когда я уже начал впадать в приятную полудрёму, кто-то без предупреждения сильно двинул меня в плечё. Эффект, сами понимаете, был впечатляющий: от неожиданности я резко вскочил на ноги, почти опрокинув столик, и от души выругался на весь клуб. Рядом со мной стоял Владимир – высокий дыбил в кожаной косухе и кожаных штанах – это в такую-то жару. Мне, почему-то всегда хотелось называть его Вовочкой, но он очень обижался на такое фамильярное отношение к своей утончённой персоне и настоятельно просил называть его только официально – Владимиром, скорей всего, ассоциируя себя с древним русским князем. Когда мы познакомились я уже и не помню, знаю только, что он мало говорил, потому что, как мне тогда казалось, ему и не о чем было распространяться, но я лихо ошибался, ёп твою мать.

romanrevakshyn.su

- Привет, чел, - низким, медленным голосом заторможенного создания произнёс Владимир, садясь на стульчик как раз напротив меня, наверное, для того, чтобы его мерзкая физиономия не дала мне как следует отдохнуть.

- Давно здесь? – я помотал головой. - Угу, понятно. – «Что тебе может быть понятно, ты ведь – идиот, был бы я немного пьянее, убил бы за такой удар в плечо, - подумал я, мрачно глядя на эту ничего не выражавшую рожу, - только позорит прикид рок-н-рольщика». Обычно Владимир наливался пивом или коктейлями и из него слова не вытянешь, и я решил, что он мне не будет сильно мешать оттопыриваться, пусть сидит. Но, как оказалось, только не в этот день. Наличие одиноких свободных ушей сотворило чудо: он неожиданно стал многословным, а у меня характер, в общем-то, слишком слабый и слишком либеральный, чтобы я прекратил этот разговор.

- Не хочешь посмотреть? – сказал Владимир, вытянув из такого же чёрного, как и все его шмотки, кожаного рюкзака коробку с видеодиском и протянул мне. Я, нехотя, взял диск. Надпись на коробке была любопытная: «Тайны Третьего рейха».

- Нет, что-то не хочется, – отказался я. Он спрятал диск обратно, но опять пошарил в рюкзаке и извлёк на свет божий тонкую книжку в мягком глянцевом переплёте. Лицо Владимира, и так не обезображенное интеллектом, нисколько при этом не изменило тупого выражения навязчивой учтивости.

- Тогда, почитай это. Понравится. - Он наклонился над столиком и впихнул мне в руки книжку.

- «Речи доктора Геббельса»? Ого, доктора? – присвистнул я.

- Да, он был доктор.

- Лечил газовыми камерами? – моя реплика, похоже, вывела Владимира из душевного равновесия, – мне говорили, что я умею вывести человека из себя без особых усилий.

- Ты о том, что погибло много челов? Ну и что?

- Действительно, что такого...

- Юлий Цезарь уничтожил два миллиона человек, для того времени – огромное количество, ну и что, мы считаем его преступником? Нет, античный герой-полководец, один из величайших политических деятелей мировой истории! – угрюмо, но страстно произнёс Владимир, начав внимательно меня изучать, как потенциальную жертву своих уродливых взглядов. «Вот это тирада», – подумал я. Столько связных слов я никак не ожидал от придурка.

- Н-да, похоже на то... - нехотя согласился я. - Нет, книгу не надо, такого добра везде навалом... - я бросил её на стол.

- Вот именно, чел, - этот Владимир, скорей всего, больше не знает обращений, кроме «чел». Он не на шутку оживился, гад:

- Вот именно, чел, мы ведь над этим постоянно работаем. «Хочешь, заплачу за тебя», - произнёс он, увидев подошедшего Зелёного со счётом в руке: в клубе мода такая - собирать деньги как можно раньше, чтобы контингент не разбежался. «С чего бы такая щедрость?» - подумал я. Хотя, насколько я знал, Владимир нигде не работал, только состоял в какой-то организации (теперь я начинал догадываться в какой), у него всегда было полно денег: иногда я видал целые пачки. Я заплатил сам.

- Вот именно, открой глаза, мы не умерли.

- Кто это мы?

- Кто надо! – резко выпалил Владимир, раздражённый моим хладнокровием. – Зайди в любой магазин, торгующий видео или книжками, тебе всегда дадут толковый фильм или книжку про наци. – Действительно, - подумал я, - чего-чего, а этого полно, в каждом магазине тебе всунут какую-нибудь чёрную коробку с кроваво красной свастикой на обложке, ещё и скажут: «Интересный фильм, пользуется большим спросом». Везде кругом есть книги и фильмы о Гитлере и других нацистах. О славянских предках – трудно найти. А этого - сколько угодно.

- Да уж, этого хоть завались, - не мог я вслух не согласиться. Владимир принял мои слова как руководство к действию:

- Через века вся еврейская шелуха отпадёт, и Гитлер предстанет перед нами новой легендой, которой поклоняться будут все! Пойдём завтра со мной на наше собрание, как раз завтра из Европы приедет наш фюрер!

- Как раз ради меня, наверное,.. - ехидно произнёс я. Владимир опять занервничал.

- Ты же ходишь в нашей одежде, носишь нашу обувь, - не понятно к чему произнёс он, вероятней всего, намекая на чёрный цвет моих штанов и мои огромные ботинки.

- Почему это *ваши*?

- Их же носят все ультрас.

- Может быть... - я опять мысленно с ним согласился. Подкованный, сволочь, знает, как мозги прополоскать.

- Ты знаешь, что почти все столичные футбольные клубы уже наши. Теперь нам надо подмять под себя хоккейные, - Владимир одним залпом осушил пол пивного бокала, но пьянел он, как я понял, совсем от другого. – Приходи! – он протянул мне какую-то визитку, оформленную в том же кроваво красном стиле. Я отрицательно покачал головой. romanrevakshyn.su

- Тебе что, - он очень громко выругался, - нравится, когда чёрные берут власть в свои руки. - Под чёрными он, я так понял, подразумевал выходцев с Кавказа и Средней Азии. - Нравится, когда у тебя черножопый уводит девушку. - Теперешнюю свою подругу я с удовольствием отдал бы кому угодно. Вообще, я знаю немало странных товарищей, которых я называю московскими попугаями.

Они обычно ничем обременительным не занимаются: или сдают квартиры бабушек и дедушек, или проводят день на какой-нибудь хорошо оплачиваемой работе, совершенно ничего там не делая, и на которую приедем совершенно не светит устроиться; сидят они там и как попугаи повторяют: «Понаехали! Понаехали!» Но этот придурок относился немного к другой категории. Я презрительно посмотрел на возбуждённого Владимира. Тут он, как я понял, решил зайти с другого боку, приступить к долгой осаде с элементами псевдонаучного спора на тему антисемитизма:

- Может, скажешь, что и евреев любишь?

- Про тех, кого я знаю, я бы этого не сказал... - я и про большинство других своих знакомых этого бы не сказал.

- Ага, - с нескрываемым удовольствием произнёс Владимир. Он явно хотел добавить: «Повёлся!»

- А теорию Дарвина уважаешь? – Тут уж настал мой черёд удивляться: Владимир и Дарвин, совсем не складывается, абсолютно разные уровни. Да, не плохо его нашинковали эти фюреры. Я подумал: «А ну-ка, надо послушать, о чём это он собирается гнать пургу»:

- Дарвин один из моих любимых... э-э челов, - сказал я, стараясь не спугнуть идиота.

- Так вот, знаешь, почему евреи такие хитрые и изворотливые? – с явным удовольствием в голосе произнёс Владимир.

- Ну? Просвети...

- Естественный отбор...

- Да ну?

- Ну, да! – я чуть не заржал, но решил до конца уловить смысл идеи. - Выжили самые изворотливые, ведь их с древних веков гнобили, гнобили и не догнобили... – здесь я не выдержал и засмеялся во всё горло.

- Чего ты смеёшься, из-за таких как ты ... - но он уловил на себе мой явно злой взгляд и осёкся.

- Приходи, - опять неожиданно и навязчиво повторил Владимир, - там, рядом, есть «наш» тир - можем пострелять из настоящих «калашей».

- Нет уж, спасибо, после армии не тянет...

- Что так, чел?

- Да так...

- А меня не взяли в армию – плоскостопие. – «Плоскостопие мозжечка у тебя, придурок», - подумал я про себя.

- Ну приходи! – опять завёл он шарманку, это начало раздражать уже меня.

«И почему его родители не пользовались контрацептивами?» - зло подумал я, намеренно тяжело вздохнул и отвернулся, давая Владимиру понять, что аудиенция закончена, и если сейчас не уйдёт он, то это сделаю я. Хоть это он понял, козёл, собрал в рюкзак свои нацистские пожитки и, не попрощавшись, пошёл к выходу, бросив на стойку бара деньги за выпивку.

Вот насмотришься на всякий такой адский трэш и захочется сбежать куда-нибудь на безлюдный берег, вот только долги и некоторые остатки семейных обязанностей не пускают. Диоген хорошо отделался...

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА.

Семь лет назад мои родители развелись. Мать уехала в Великобританию, и после этого я её не видел, хотя она постоянно пишет и зовёт меня к себе. Ну, а отец пил, пил, ну и допился...

У меня есть только один настоящий друг – Макс. Вы знаете... И познакомились мы с ним в психиатрии. Он косил от армии, а я прошёл все уровни компьютерной игры за четверо суток без сна и отдыха, ну и, само собой, не мог туда не попасть. Там нам выдали очень вкусные лекарства, после которых мы стали себя чувствовать ничуть не лучше тараканов после санитарной обработки. Я сразу заметил Максима, потому что он чрезвычайно похож на Иисуса Христа. Только Макс развратник, картёжник и алкоголик, много курящий, балующийся наркотиками и вечно болтающий по телефону с очередной своей девушкой. Заведующий отделением, Иван Никифорович Золотухин, которого мы прозвали «доктор Зло» (Заведующий Лечебно-психиатрическим Отделением), нас обоих быстро возненавидел. Мы тоже были от него без ума: у всех полно тараканов в голове, но не до такой же степени... Но он нас, как не странно, довольно быстро выпроводил из больницы. И я догадываюсь почему: меня – за слишком длинный язык и развязанные манеры; потому что я называл его лечебные процедуры «жертвоприношением под гипнозом», и, однажды, в знак своей бесконечной признательности за заботу, даже отлил в карман его белого халата перед принятием душа Шарко, когда Золотухин отвернулся от меня, чтобы черкнуть пару строк в амбулаторную карту. Ну сумасшедший, что с меня возьмёшь. А Макса он жутко возненавидел за то, что тот нарисовал на холсте маслом свои гениталии и выставил так называемое худ. произведение на обозрение всего женского коллектива больницы, у которого картина, надо сказать, пользовалась бешеной популярностью, и даже вызвала нездоровый ажиотаж среди престарелых уборщиц и немолодых медсестёр. Одной из которых, как я понял, Макс сам сделал лечебный укол, после которого её определённо потянуло на кисленькое. Тогда я впервые и увидел его художественные полотна в стиле ню, сейчас уже широко известные. Некоторые из них, я уверен, и поныне занимают самые почётные места в женском душе психиатрического отделения.

Кстати, мы с Максом совсем недавно узнали, что зверь Никифорович умер. Мы несказанно расстроились, опечалились и так же резко удивились: единственное от чего мог навернуться этот здоровенный мужичара, так это от облысения. Однако, я до сих пор удивляюсь, как мы выбрались из той психушки живыми, - при всей монополии на власть, которой обладал Золотухин в этом закрытом учреждении, он спокойно мог заколоть нас до полусмерти за наши проделки.

У Макса же, кроме меня, есть ещё один друг – бассет Шкет (своего кота Ваську я другом не считаю – это просто скотина какая-то). Поначалу мы скептически относились к умственным способностям и волевым качествам этого пса: таскали его за длиннющие уши, которые всегда были грязными - вечно волочились по земле; иногда даже вытирали об него ноги. Но когда, однажды, он спас нас с Максом от невесть откуда взявшегося бешеного питбуля, мы, после того как Шкету зашили все раны в ветлечебнице, стали любить его как дорогого родного человека. Кроме этого мы постепенно узнали, что это умнейшее и добрейшее животное, хотя и флегматичное, вот почему часто кажется, что он тупит. А хозяину того питбуля мы набили морду, не поленились, я чуть руки все об него не обломал, у меня до сих пор болят костяшки на левой руке, как вспомню... Он оказался придурком первого сорта, не уступавшем в тупости своему крокодилу, - директор какой-то торговой фирмы. Я, будь на то моя воля, его самого бы пристрелил, как бешеную собаку.

romanrevakshyn.su

Макс периодически, время от времени или постоянно занимался в какой-нибудь изобразительной студии; но там всегда, почему-то, начинали его, мягко говоря, недолюбливать, и со скандалом выгоняли. Из одной студии его выперли за то, что, гоняясь за какой-то смазливой художницей, он чуть не порвал картину Левитана, находившуюся в это время на реставрации. За что реставраторы его чуть не убили большой банкой с грунтовкой, а потом ещё скрутили и пытались отрезать ему багетной гильотиной голову под сорок пять градусов.

После того как синяки сошли, Макс поступил в другую студию, но не сошёлся там с руководителем изостудии на почве восприятия художественной действительности. Один раз руководитель попросил учеников нарисовать предмет, рядом с которым мы проводим большую часть жизни. Максим нарисовал унитазный стульчак на голубом фоне. Но, то ли потому, что изобразительная техника была слишком необычной, то ли потому, что для большей правдивости Макс высморкался на свой

нетленный холст и вымазал его некоторыми мужскими выделениями, а потом экскрементами, у них с руководителем студии возник жаркий художественный спор, грозивший непременно перейти в грубую потасовку.

- А что, - оправдывался Макс, убегая от наставника с полотном подмышкой, - рядом с этим предметом мы почти каждый день, у кого здоровый желудок, по капле выдавливаем из себя раба, точно, как сказал классик! И нельзя сказать, чтобы это было людям неприятно, совсем наоборот - многие чувствуют после этого большое облегчение! - Наглые доводы зарвавшегося ученика вызвали у преподавателя, закоренелого поклонника классической школы, ещё больший приступ ярости и нескрываемое желание надеть мазню Макса ему на голову. Максим понял желание препода и бесперспективность своего обучения и быстро ретировался, наспех собрав свои скудные пожитки. Теперь эта картина висит в одном из музеев Японии. Музее искусства Яматанэ, по-моему...

В предпоследней студии он прозанимался довольно долго - пять месяцев - невероятный срок для Макса. Из этой студии он вылетел, когда они перешли к технике изображения человеческой природы, а в роли натурщицы выступила жена руководителя студии. Преподаватель был человеком ангельской терпимости и не обращал внимания на авангард и модерн, нарисованный придурковатым учеником, а также на его связи с ученицами прямо в студии после занятий. Но когда вместо его жены на картине Макса вся студия увидела старую калошу... Даже его терпение, мгновенно сломленное дикими воплями жены и саркастическими замечаниями учеников о схожести предметов, лопнуло...

В теперешней студии Максим занимается уже целый месяц, успев «попортить» не один подающий надежды женский талант. Как не странно, у них с преподавателем пока не было никаких конфликтов. Скорей всего, из-за того, что этот маститый художник больше занят трёх, четырёх и пятизвездочными настоящими напитками, чем своими подопечными.

В тот день мы встретились с Максом в магазине мобильных телефонов, а потом собирались пойти в «Шайзе».

- Поздравь меня, Романыч, - были первые приветственные слова Максима, когда мы увидели друг друга. Он с силой сжал мою лапу и поставил сумку с мольбертом на мусорное ведро с откидывающейся крышкой.

- Неужели она оказалась девственницей? – сделал я глупое предположение. Макс намеренно противно засмеялся, имитируя бляние козла:

- Э-э-э. Мне сделали заказ!

- Ого, вот это удача! Посдрафляю! – громко прокричал я, – весь магазин посмотрели в нашу сторону. Видимо, я слишком громко заорал, и у всех заложило уши, несмотря на то, что в магазине гремел «The art of rebellion»; Шкет даже что-то рявкнул в знак своего негодования по поводу такого неучтивого поведения с моей стороны. Тут же к нам подбежала девушка, одетая в жёлтую фирменную футболку:

- Вам что-нибудь показать?

- Ну, давай, - ответил ей Макс, с завлекающей улыбкой профессионального ловеласа, - когда я был маленький, одна девочка в детском садике мне кое-что показывала... - Девушка резко покраснела, и даже не отошла, а мгновенно отбежала, ничего не показав и не дав Максиму возможности поприставать.

- Дэвид заказал мне намалевать большое полотно в моём любимом стиле. Ну, в общем, поиграть со светом, передать объём..., глубину...

Дэвид Смайли (David Smeilee), международный коммерсант, торгующий предметами искусства и другим разным хламом, был не на много старше Макса, но уже был хорошо известен в артистических кругах и Нью-Йорка, и нашей столицы. Он один раз, случайно, увидел работы Максима, и после этого частенько ему звонил по разным вопросам, большинство которых, в конце концов, сводились к тому, чтобы встретиться и выпить: единственным недостатком Дэви была его непропорционально сильная тяга к водке, больше чем к виски или рому. Наши встречи с ним обязательно заканчивались под лозунгом: водка – масса впечатлений, которые не помнишь - мы непременно злостно напивались. Я думаю, скорей всего, потому, что понимать нас и сносно говорить по-русски он начинал только после второго полного стакана. После четвёртого по-английски начинал говорить Макс, так как я – полный полиглот: молчу на любом языке мира в любом состоянии. Иногда было очень весело слушать их разговор:

- She had six children, - говорил Дэвид.

- Секс... с детьми... - делал умственно-отсталое предположение Макс.

- No, dummy... six... - шест.

- А, шесть, понял...

Несколько раз мы устраивали посиделки на съёмной квартире Дэвида, хозяйка которой мало того, что брала с него вдвое больше обычного и жила на одной с ним жилплощади, так ещё и требовала, чтобы он знакомил её со всеми своими приятелями. Максим, как чрезвычайно похотливый тип, не мог не отметиться в её спальне...

Посидев в тот день немного в «Шайзе», мы с Максом пошли ко мне домой. И там Самоедов, установив полотно в подрамнике на мольберт, приступил к созданию картины маслом. Скоро мне пришла пора идти на работу, и я оставил Макса мечущимся в творческом исступлении между мольбертом и палитрой, одетым в одни трусы пёстрой расцветки, и окутанного густым сизым табачным дымом. После клубной дискотеки я поехал к своей подруге и пробыл там до вечера; ну, чтобы не мешать другу творить. Когда я вернулся домой, в квартире было мирное сонное царство: Макс после героических творческих потуг, лежал, свернувшись калачиком, на диване в полном одиночестве, что случалось с ним крайне редко; Шкет спал возле шифоньера, а Васька - на шифоньере, - наконец-то в доме появился настоящий хозяин. Картина была накрыта пледом, я не стал на неё смотреть. Палитра лежала на моём антикварном ламповом телевизоре, там же рядом стояли четыре пустые бутылки пива, а вокруг были разбросаны грязные кисти и шпателя. Утром, после того как мы хорошо заправились кофе, Максим немного заговорщицки доложил мне, что, как он выразился, шедевр готов и открыл картину.

Сначала я, признаюсь, ничего, кроме грязно-зелёного фона не увидел. Но когда я немного отошёл от картины и напряжённо вперил в неё свой недоумённый взгляд, контуры развиднелись, и стало видно: на фоне бурных водопадов и хмурого неба в зелёных тонах, на ветке сидит птица с большой головой и большим туловищем, но длинной, очень узкой шеей. Птица поймала рыбу и пыталась её заглотнуть, но напрасно – узкое горло не давало ей этого сделать. Весь образ птицы был каким-то зловещим и в то же время смешным. В левом углу картины, абсолютно типографским шрифтом, было подписано: "Don't bite off more than you can chew". «Интимные уроки с той пожилой учительницей английского языка определёнno пошли Самоедову на пользу», - подумал я. В правом углу картины красовалась размашистая роспись Максима. Единственное, что мне тогда пришло на ум, это то, что картина мне нравится, и что она далека от классической школы

изобразительного искусства, как земля от солнца. Это я и сказал Максу. Он хладнокровно выслушал меня со снисходительной улыбкой просветлённого, не сказав ни слова, и только мечтательно улыбался...

Максим позвонил Смайлику, как мы часто называли Дэвида, чтобы встретиться, но поехать к нему не получилось: в связи с тем, что его хозяйка познакомилась с очередным его приятелем, Дэви уже два дня ночевал в гостинице. Он сказал, что сам к нам приедет. На американца картина произвела аналогичное впечатление, что и на меня. Сперва он ничего не понял, но потом восклицаниям «awesome!» и «excellent!» не было конца, сущность которых мы понимали только благодаря высокой интонации, с которой они были сказаны. Смайли несколько раз то подбегал к картине и внимательно разглядывал её в упор, то отходил и пристально смотрел на неё издали. Сразу было видно, что он был от неё в сильнейшем восторге. Я достал из кухонного шкафа двухлитровую бутылку дедушкиного самогона класса премиум, чтобы установить полный контакт с иностранным другом. Мы выпили по две рюмки термоядерного дедушкиного самогона. Между тостами, обрадованный одобрителем оценкой Дэвида, Макс решил устроить всеобщий праздник: высыпал Шкету целую пачку собачьего корма, которую тот мигом смолотил, а для Васьки нашёл в моей аптечке пузырёк валерьянки и влил в его поилку. Эффект, конечно, был потрясающий: Шкет, после такой огромной порции жратвы, завалился на бок и часто и тяжело дышал, не в силах подняться на лапы; а Васька вылакал всю поилку, вылизал её, потом вылизал весь пол на кухне в тех местах, где упали случайные капли микстуры, а затем стал кататься по полу и петь блатные песни. Немного отдохнув, Шкет, всё же, принялся за его воспитание: стал таскать Васисуалия за хвост, пытаясь его утихомирить, ну и заодно подмёл ушами пол кухни. Мы втроём продолжили обмывать рождение художественного полотна. Правда, когда мы были уже в очень пьяном состоянии, веселье было омрачено тем, что я увидел, как Васька, как настоящая тварь, на радостях помочился на картину, стоявшую на полу, прислонённой к стене. Я попытался подбежать и поймать его, чтобы самолично казнить, но споткнулся об электрический шнур вентилятора и упал. Тут свет и выключили... romanrevakshyn.su

Утром следующего дня я проснулся в чертовски нехорошем настроении и с таким же самочувствием. Сахара во рту заставила меня подняться с кровати и пойти в ванную. Посреди ванной, на полу, лежал Дэвид; из одежды на нём была лишь белая

рубашка от Диора. В это время я услышал громкую ругань Максима в гостиной и, переступив через Дэвида и быстро хлебнув немного воды из крана, вернулся обратно в комнату. Макс стоял возле своей картины, валявшейся на полу, и ругался самыми последними словами. Подойдя к картине, я тоже завернул многоэтажный мат - шедевр был испорчен чьей-то блевотиной. К нам подошёл качающийся Дэвид. Увидев наши недоумевающие вопросительные взгляды, направленные вниз, он посмотрел туда же:

- What's a f...ck?!!! – выкрикнул он, сделав резкий скачок, но тут до него дошло, - Oh, no..., – он яростно ткнул в себя пальцем, горько вздохнул, свесил голову и произнёс печально, - It's me... F...ck us all! – Мы с Максом схватили картину и потащили её в ванную, где попытались отмыть её под утробные звуки Смайлика, склонившегося рядом над унитазом и пытавшего извлечь из себя останки вчерашней закуски. Из-за свежей краски нам плохо удалось отмыть нечистоты – всё расплывалось, но Макс, несколько раз посмотрев на картину издали и подправив, сказал, что так она приобрела даже большую оригинальность.

- Дэвид покроет её лаком и будет как так и надо.

Когда Смайли, шатаясь, уходил с картиной, обёрнутой в мой плед, то уже тогда у меня были некоторые опасения насчёт её сохранности. Но на все наши настойчивые предложения проводить его до такси, Дэвид отвечал отрицательным мотанием головы. Он жадно схватил картину, как пират, грабящий город, и нетерпеливо побежал вниз по лестнице, периодически спотыкаясь.

Через час у Максима зазвонил мобильный. Из телефона стали доноситься истерические вопли американца, мы, единственное, разобрали:

- Нид фиксинг!!!.. Макса, катайся ко мне квартира!!!.. – он кричал, как будто его убивают.

- Фистинг? – не понял Максим.

- Ноу, ...фиксинг..., пикча нид ремонта!!! - Мы поняли, что что-то случилось с картиной и надо срочно ехать к нему на съёмную квартиру. Немного подкрепив силы пивом, - что там случилось - не совсем было понятно, а жить-то хочется, - мы отправились к Дэvidу. Оказалось, что на первом этаже дома, где он жил, Дэвид упал вместе с картиной на почтовые ящики и проделал в худ. произведении огромную дыру. Слава богу, хозяйка квартиры отсутствовала, и можно было развести небольшой бардак. Максимум пришлось бежать в магазин покупать клей, а

потом клеивать полотно и подкрашивать облупившиеся фрагменты имеющимися у американца красками. Потом я покрыл картину лаком. После ремонта картины, Максим с Дэвидом договорились через несколько дней встретиться в отделе экспертизы для оформления документов на вывоз картины за рубеж, ради чего Максиму предстояло найти свой паспорт, который он не видел уже полгода. На прощание Макс попросил Смайли быть, всё же, поосторожней с произведением: всё-таки какой-никакой труд ума и таланта, и мы тепло распрощались с американским подданным. romanrevakshyn.su

Когда Смайли через несколько дней выписал Максиму банковский чек с четырьмя нулями, нашему с Максом удивлению и радости не было границ. Теперь молодой художник мог спокойно продолжать вести безбедную жизнь тунеядца, вместо того, чтобы добросовестно работать на заводе или какой-нибудь стройке. Макс в изумлении поведал мне, что картина - «настоящий трэш», и какой ещё дурак захочет её купить, кроме Смайли, не понятно. «Дэвид действительно попал», - как выразился Макс. Но, видимо, она подпадала под широко распространённую категорию картин, на которые без слёз смотреть невозможно, но которые стоят дорого. Когда же через два месяца Максиму позвонили из банка и сообщили: на имя господина Самоедова пришёл денежный перевод от господина Дэвида Смайли с пятью нулями, - мы просто хотели повеситься от счастья, впад в бесконечную эйфорию, каждый день опустошая пивной ларёк возле дома и не вылезая из «Шайзе». Всё-таки Дэвид оказался порядочным человеком, а их попробуй сейчас сыскать днём с огнём. Потом, через пять месяцев, на мой электронный адрес - у Максима ничего подобного нет, он далёк от компьютерных достижений цивилизации, - Дэвид прислал длинное письмо, написанное по-английски, где он рассказывал, что картина «Птица на зелёном фоне», как её называли критики, уже второй раз, после того, как её продал Дэвид, перепродаётся на художественном аукционе, и цена её возросла в шесть раз, о чём он отчаянно сожалел, и скорбел, что сам не загнал её за такую сумму. Смайли прислал каталог под названием «Modern Russian artists», где мы нашли небольшой рассказ о Максиме, как об «одном из наиболее одарённых молодых художников России, написавшем выдающуюся картину» ... «с искусственными элементами состаривания,

применёнными автором» ..., которую уже активно подделывают» ... Мы долго смеялись...

ФИНАНСИСТИКИ.

Сначала мы познакомились с Игорем, бывшим профессиональным хоккеистом, проигравшим, правда, всё, что только можно. Мы и сошлись с ним на ниве обсуждения спортивных событий, и я даже несколько раз делал ставки по его совету, но все - мимо. Но, кроме спорта, скажу я вам, с ним можно было поговорить только о деньгах, золоте, курсе акций, его любимой машине и остальной жлобской мишуре. Увидев Шкета, весело бегавшего по клубу, подметая ушами заплёванный пол, он сразу обозвал его собакой Доу; а компанию картёжников, обычно собиравшихся в одном из углов клуба – четырьмя дурнями. Как у настоящего хоккеиста у него было сломано всё, включая мозг, который были явно набекрень; и, как бывший хоккеист, он, поначалу, каждую неделю приходил в клуб с какой-нибудь новой клюшкой. Так мы познакомились с Александрой, девушкой не первой и, я бы даже сказал, не второй свежести, но бойкой и цепкой, разогнавшей всех прежних подружек Игоря и надолго ставшей его второй половиной. Если Игорь мог говорить ещё и о спорте и машинах, то Александра не только говорила только о деньгах и прибыли, но, я подозреваю, и думала исключительно о том же. Они вместе

работали в каком-то воровском банке: банке строителей пирамид повыше тех, которые строили египетские фараоны. romanrevakshyn.su

- Как, вы ещё не играете на курсе валют? – реально удивилась Александра, узнав, что мы с Максом слабо разбираемся в рыночных инструментах и ничего не делаем для того, чтобы потерять свои кровные.

- А мы с Игорюшей ещё и на акциях играем! Потому, что мы с Игорем очень любим деньги! – Кто бы сомневался, с такой-то мордой только о деньгах и думать! Личико у неё, скажу я вам, страшное, как моя жизнь. В одежде она тоже не блистала, упрямо придерживаясь стиля «чёрная моль», и походка у неё была, как у наездника. Да, забыл, кроме денег, Александра ещё умела быстро и много говорить о гламуре и всяких там светских удовольствиях, и при этом она не забывала, дурочка, выключать голову из розетки. Но, как видимо, из всех этих светских удовольствий ей был доступен только поход в наш занюханый «Шайзе клуб». Глядя на незакрывающийся рот Саши, я часто думал, что жену, всё же, предпочтительней выбирать в интернате слепоглухонемых девочек.

Она несколько раз пыталась строить глазки Максиму, прослышав, вероятней всего, о его любовных подвигах, но Максим, хоть и был охоч до всего, что шевелится, но и тот был согласен связаться с ней только по постановлению суда. - 60-ти процентам девушек нравился Макс, 99 процентов женщин нравились Максиму, надо же было умудриться попасть в этот самый один процент.

- А где же вы храните свои сбережения? – часто приставала к нам с Максимом Александра, видимо, горя сильным желанием пристроить эти сбережения в чужой карман. – Я могу предложить отличный инвестфонд. romanrevakshyn.su

- Дома. Я храню дома, - пытался отвязаться от неё Макс, - в подушке...
вперемешку с марихуаной.

- И ты не боишься бандитов!?

- А чего нас бояться...

Издевательства Максима нередко выводили её из себя, и Сашка готова была его если не убить, то жестоко покалечить. Так-то она была смиренная, с намордником, но если разозлить, то - о-го-го, только держись, могла выделиться энергия равная взрыву водородной бомбы.

- Чем ты, Максим, вообще занимаешься, - решила как-то вывести его на чистую воду Александра, видя, что Макс не страдает от отсутствия банковских билетов.

- Чем, чем, развожу длинношерстных элитных хомяков и кроликов, - Макс сидел с невозмутимым лицом.

- И что, действительно прибыльно?! – Александра ненароком подумала, что открыла новый сегмент рынка в области скотоводства.

- Конечно, знаешь, как они быстро плодятся... - Я не выдержал и засмеялся, испортив весь триумф Макса, укоризненно на меня посмотревшего.

- Придурки! – обиделась Сашка.

Когда к нам по вечерам присоединялся Игорь, он регулярно жаловался на то, что его в очередной раз надул какой-нибудь «надёжный человек», которому он «всецело доверял». Я уверен, что это происходило потому, что любой тип, у которого с детства на лбу написано – «мошенник», сразу становился его закадычным другом, зато от честных людей его явно подташнивало и, даже, думаю, проносило. Именно на таких зацикленных жадных простофилях настоящие волки денежных просторов и делают свой маленький многомиллионный бизнес. Н-да, в лесу свои законы! Там весело: постоянно кто-то кого-то жрёт. Понятно, что такая жизненная позиция Игоря – это позиция раком, рано или поздно над тобой надругаются. Девиз этих людей один: наш путь – это путь вниз к успеху.

romanrevakshyn.su

Игорь был в перманентном состоянии мечтаний о том, как продать свою старую машину и купить новую, более, как он говорил, крутую. Но купить новую и крутую никак не получалось, потому что его долги не уступали его мечтательности и росли в прямо противоположной прогрессии. Недавно это заставило его начать подрабатывать даже рекламным агентом. Ну теперь держись реклама: я думаю, Игорь даже свою задницу сдаст под рекламное место. Ну, а в качестве бонуса и Сашкину... Да, это факт - всегда, когда Игорюша ненадолго отвлекался от подсчётов несуществующих прибылей, он начинал ласково говорить о своей машине: как её можно затюнинговать, какое масло залить, какие шипованные шины поставить на зиму:

- Зачем ему переобуваться в шипованные шины? – он и так серьёзно тормозит, - заметил однажды, сильно пьяный Макс, который мог издеваться над Игорем, потому что Игорь ему симпатизировал, скорей всего, за его со вкусом подобранный гардероб от известных имён, пошитых в соседнем подвале, и за некоторые дорогие побрякушки на руках и пальцах:

- Ботинки у меня из кожи стаффордширских буйволов, а шнурки - от Расо Rabanne, - чтобы подразнить Игоря, как-то похвастался Макс.

Игорь постоянно избирал Максима жертвой для выслушивания его экономических проспектов. Максим, частенько, быстро начинал дремать под монотонный бас Игоря, тогда тому приходилось бесцеремонно его тормошить.

- Да, да, я слушаю, не отвлекаюсь, - вяло оправдывался Максим, очнувшись, - ты же знаешь, я слушаю только тебя и Би-Би-Си.

- Прикинь, два с половиной часа простоял в пробке, опоздал на две встречи с надёжными партнёрами, - жаловался Игорь.

- А на метро не пробовал ездить или пешком ходить, - как всегда, издевался над ним Макс.

- Ты что с ума сошёл, что обо мне подумают партнёры! Куда только смотрит Лужков!

- Кто такой Лужков?

- Ты что не знаешь Лужкова?

- Не-а.

- Не знаешь мэра? – удивлению Игорюши не было предела.

- Не-а. – Игорь посмотрел на спокойного Макса, как на инопланетянина. - Он мне никуда не упёрся, - резонно заметил Макс, который придерживался широко распространённого в узких художественных кругах мнения, что чем меньше знаешь, тем лучше спишь. И желательно не один...

- Жить в городе и не знать мэра... ну ты даёшь Максим! - Максим ничего необычного в этом не видел, он и кроме мэра мало кого знал из всей этой государственной сволочи. У них же у всех одни и те же каменные рожи...

В один из вечеров Макс пришёл в клуб с одной сильно пьяной уличной художницей по имени Алина, одетой летом в кроличью шубку на голое тело. Это только надо было видеть... Они с Сашкой неожиданно быстро нашли общий язык. Алина стала часто заходить в клуб. Теперь нам было полегче: слушать приходилось одного Игоря. А потом, как-то, ни с того ни с сего, и Алина, и Игорь вдруг пропали - не стали появляться в клубе. У меня даже мелькнуло подозрение, что они снюхались.

- Сашь, а где Алина? – с неподдельной тревогой спросил я у Александры.

- Так она же неделю назад как уехала за границу. – «За границу» прозвучало торжественно и гордо. - Скоро мне вызов сделает. Вчера СМС-ку прислала.

- Ну и как она там устроилась?

- Отлично! Работает проституткой в престижном борделе: жильё за счёт фирмы, профсоюз, сверхурочные, высокая зарплата...

- Не плохо... Саня, а что не видно Игоря?

- Лежит, бедный, в больнице, избил кредиторы...

- Надеюсь, не те, кому он должен в клубе? – я был одним из них...

- Не-е, это мелочь. Игорюня задолжал какому-то агрохолдингу «Компостов и Гербицидов»... - Н-да, эти били, скорей всего, от души, подумал я, как пить дать, теперь Игорюню можно будет выставлять как наглядное пособие в музее телесных наказаний. romanrevakshyn.su

- Печально...

Сама Сашка через месяц тоже попала в больницу - её затоптали на распродаже.

Удар ритма – как удар судьбы,
Но всем ли нам дано услышать?
Сначала небо даёт дар,
Потом - апоплексический удар.
И ты не знаешь где ты:
В аду или раю.
Ну, в общем, детка, потанцуем,
И я из жизни уйду.

Dj BONY

ПИСАТЕЛЬ.

В тот день Макс проиграл в карты одну из своих лучших картин и был далёк от того, чтобы быть в приподнятом настроении. А я как раз находился в одном из лучших периодов своих любимых депрессий. К тому же, мы с Максом поссорились. Поссорились из-за того, что его теперешняя мимолётная страсть устроила у меня дома такой секс-концерт, что соседи две недели на меня косились, а потом настучали моей подруге. Сами понимаете, последствия не заставили себя долго ждать... Мы оба заказали себе в «Шайзе» одинаковый американский коктейль под интересным названием «Убийство на улице Морг». Выпив его, я отдал должное великому произведению Эдгара По, в сравнение с которым коктейль никак не шёл – действительно, убийство. Коля Хромой поставил старое доброе немецкое диско «Silent circle», и это немного сглаживало наше весёлое настроение двух пришибленных идиотов. Лишь Шкет, как всегда, радовался жизни, что выражалось в его мирном посапывании под столиком в клубе. Тут я увидел входящего в клуб Ивана и приветственно помахал ему рукой - вот кого я в этот день был рад видеть. Иван Рождественский, молодой писатель, парень невысокого роста, чрезвычайно худощавый, с нервными движениями и быстрой речью. Он носил очки с круглыми линзами, и часто их поправлял.

- Привет из Немецкой слободы граждане Кукуйские, – произнёс Иван, хлопнув нас обоих по рукам. Иван, как я понял, намекнул на то, что мы с Максом родились москвичами, что было героической заслугой наших дедушек и бабушек, сумевших не попасться на глаза сталинско-бериевским костоломам и их прихвостням. Хотя, после рождения, я прожил десять лет в Сибири, а Макс провёл начало своей бурной эротической юности на Украине, откуда должен был вернуться, натворив там немало славных подвигов по половой части. romanrevakshyn.su

Когда мы познакомились с Иваном, я сразу же, почему-то, проникся к нему симпатией, особенно после того, как он весело, абсолютно беззлобно, поведал мне историю о том, что однажды, когда он только начинал писать, отдал свою рукопись

одной знакомой, чтобы она оценила труд и, если материал понравится, то, по возможности, передала бы в какую-нибудь редакцию. Девушка вернула ему рукопись, сказав, что её никуда не берут, и многое требует доработки. Через пару месяцев он, случайно, на полке книжного магазина увидел книгу, на обложке которой было название его романа под авторством этой самой знакомой. Мы долго смеялись...

Иван был кладезем информации на любую тему, ну просто ходячая энциклопедия какая-то. Он поведал мне, что в поведении человека, как и в творчестве любого писателя, есть главная черта, которую можно выразить одной фразой или словом. Так, например, он объяснил мне, что я, ваш покорный слуга, считаю всех людей дураками. Я не стал этого отрицать. И сказал, что древние говорили, что только дурак может считать всех остальных дураками, и только умный - считает дураком только себя. Я также не стал этого отрицать, потому что я делаю и то и другое. Он всегда носил с собой толстый портфель, туго набитый рукописями (Иван предпочитал писать по-старинке, без современной компьютерной техники). Когда-то я попросил прочитать нам что-нибудь из его произведений, и, со временем, этот процесс стал для нас приятной привычкой: Иван, когда была возможность, - за столиком собиралось не много людей, и в клубе было не так шумно, - читал нам небольшие отрывки из его книг, которые по объёму и сути больше напоминали философские трактаты. Небольшие отрывки, потому что тексты были сложными, а Макс не выдерживал длинные периоды напряженной умственной деятельности. А когда Максима не было, то к нам обязательно кто-нибудь подсаживался, и это были, в основном, никакие любители литературы.

romanrevakshyn.su

В тот день Иван прочитал мне небольшой отрывок из своего как всегда внушительного по объёму романа, - если судить по количеству исписанной бумаги, которую он доставал из портфеля, чтобы найти нужные листы. Роман был о жизни Сократа:

« ... - Сограждане, друзья. Нам всем хорошо известно, что долг любого родителя *или* опекуна заботиться о том, чтобы его ребёнок *или* подопечный не стал пьяницей, вором *или* другим подобным негодяем. И если он видит, что пороки начинают властвовать над его отпрыском – что тогда делает хороший отец согласно обычаям наших великих предков: он берёт розги и правит своё чадо.

- Да, правильно! Так, Сократ! - загудела толпа.

- Но что же делать, дорогие сограждане, когда отпрыск является образцом морали, уважаемым юношей, а его отец – пьяница, развратник, вор и лгун. – Толпа недоумённо молчала. Потом один из собравшихся выкрикнул:

- Что же делать, Сократ? Как поступать в этом случае?!

- Я думаю, - задумчиво, громко произнёс Сократ, - в этом случае сын может выпороть отца! Друзья, это же очевидно, как белый день! И справедливо...

Толпа загудела... ...»

Я засмеялся:

- Интересная мысль, однако...

Под влиянием Ивана Макс перестал носить кожаную куртку: Рождественский был истинным «зелёным» – даже зимняя обувь у него была не из кожи, а людей в меховой одежде Иван просто-напросто смертельно ненавидел.

Один раз к нам подсел Игорюша. Через несколько дней Иван, впечатлённый общением с этим гигантом финансовой жизни страны, подарил Игорю книгу Достоевского «Идиот»; тот не понял шутки юмора и только посетовал, что обложка у книги не слишком дорогая. Иван вместо слов достал свою рукопись и прочитал ему отрывок:

« ... - И вот, что я скажу тебе, Артемис. Ты даже больший раб, чем он, твой раб: им владеют люди, а тобой - бездушные предметы, которые можно купить на рынке. Его обратили в рабство более сильные представители рода человеческого из другого племени, ты же сам сделал из себя раба. Им владеют врождённые возвышенные чувства и благородные порывы, ты же во власти самых тёмных человеческих страстей. На основании этого я полагаю, что этот писчик более тебя достоин быть свободным афинянином, а ты заслуживаешь лишь того, чтобы ему прислуживать. ...» romanrevakshyn.su

Но это была сама хулиганская выходка, на какую был способен Иван. Обычно он сопротивлялся всему, что ему не нравилось, напустив на себя благородное интеллигентное мрачное спокойствие. Он часто отвечал на наши вопросы выдержками из своих книг. Может быть это была его манера проявлять своё тщеславие? Может быть... А может быть он обо всём уже подумал до этого... Макс,

кстати, так ни разу и не решился показать Ивану свои художественные творения, так он боялся его оценки.

Телевизор Иван совсем не смотрел, объяснив это тем, что там сплошной наш или американский бандитизм. С этим нельзя не согласиться.

Однажды он пришёл в клуб и сказал, что был в суде: ему присудили две недели общественных работ. ??? Нашему удивлению не было границ! Оказывается, он участвовал в акции протеста оппозиции и его, вместе с несколькими десятками «недовольных», милиционеры засунули в автобус, а потом, понятное дело, «оформили».

- Ну, ты даёшь, Иваныч! – произнёс с перекошенной от удивления физиономией Максим. – И понесло тебя...

- Ты что, против теперешнего правительства? – наивно спросил я, тоже с широко открытыми от удивления глазами. – По-моему, там одни милые лица. – Иван так на меня посмотрел, что я почувствовал себя полным дураком.

- Многие диктаторы такие приятные люди... - ответил он мне. – Посмотрим, как у них получится меня засудить... Я подам апелляцию. Хоть адвокат и придурок... – Тут уже я посмотрел на него, как на...

- Неужели ты... надеешься... - тихо произнёс я.

- Знаю я, о чём ты думаешь. Надеюсь... - Он порылся у себя в портфеле, достал оттуда часть рукописи, вынул листок, поправил на носу очки и стал читать:

« ... - Почему же ты думаешь, что выиграешь этот спор в суде, Сократ? Неужели ты полагаешь, что наши граждане поверят тебе – лысому, курносому, кривоногому старикану, а не мне – статному, красивому, молодому, богатому человеку. Если спросить любого гражданина Афин, кого он охотней впустит к себе в дом – красавца или уроды, мне кажется, каждый скажет, что ему приятней ввести в дом красоту, чем уродство.

- Так же думали и троянцы, впуская в свой город коня с Одиссеем и его соратниками внутри, - с усмешкой спокойно отвечал Сократ, и все вокруг громко засмеялись. ...»

Со временем Иван стал всё реже заходить в клуб. Он становился всё хуже и хуже. Голос всё слабее и слабее... Потом он сказал нам, что у него рак. Мы были потрясены. Тем не менее, хоть он и был физически измождён, я ни разу не увидел в

его взгляде ни тени обречённости. Он всегда был в хорошем настроении, и, по моему, даже более жизнерадостным, чем раньше. Последний раз, когда он медленно зашёл в клуб, таща за собой свой бесценный портфель, на его губах была улыбка, честное слово, чтоб я сдох.

- Я выиграл, проходимцы. Выиграл! Суд выиграл! – ликующе произнёс Иван. Он уловил наши странные изумлённые взгляды. – Ну не суд, а там заседание какое-то, или как оно там называется... Знаю я о чём вы думаете. Всё нормально, всё по плану, не загнусь я, придурки, вышла моя вторая книга. Наконец-то... Так что, Макс, вот, дарю тебе мой пустой портфель, пользуйся. - Впервые я увидел на лице Максима какой-то сентимент, он потупил взгляд.

- Ладно, не кисни, давай почитаю... - Он потянулся в карман пиджака и достал оттуда помятый, свёрнутый трубочкой листок:

« ... - Как же ты, Сократ, человек, не имеющий ни гроша за душой, можешь противиться мне, владеющему половиной Афин. Или ты не вполне уверен в моей силе и могуществе?

- Единственное в чём я уверен, владыка, так это в том, что через сотню лет наши могилы будут выглядеть одинаково. И даже, очень может быть, моя будет выглядеть лучше. Можно, также, предположить, что червь, который с удовольствием будет есть меня, испробует и твой прах, владыка. ...»

Через неделю Иван позвонил и попросил приехать к нему домой на Проспект Мира. Он уже не вставал. Такого художественного беспорядка, как у него в комнате я нигде никогда не видел. Везде была бумага, бумага, бумага. И вся – исписанная. Но он точно знал где что лежит. Мы немного с ним поговорили, на душе было тяжело. Затем Иван приподнялся, поискал в одной из стопок бумаги нужный ему листок и прочёл тихим, но твёрдым голосом:

« ... Цель жизни человека – радость. Но для того, чтобы радоваться – надо терпеть труд, источник средств к существованию. Если человек желает отдаваться только радости, то со временем он будет вынужден только терпеть и страдать. «Если же радость человеку приносит труд, то этот человек, скажу я вам», - произнёс Сократ, - самый счастливый человек, какой только может быть в нашем мире. Так будьте же счастливы... »

Я снова увидел на лице Макса тень до этого неизвестных чувств. В конце нашей встречи Иван сказал нам, что решил не загрязнять землю своими останками, и

совершенно неожиданно попросил именно нас с Максом проследить за кремацией его тела, а потом развеять прах на Маяковской площади, только чтоб дворники не видели: «нехорошо не уважать человеческий труд». romanrevakshyn.su

Никому из нас не надо рассказывать о справедливости жизни. Почему негодяи живут хорошо, а хорошие люди - плохо. Не надо... мы это и так хорошо знаем, слишком часто видим, и давно к этому привыкли. Но почему ещё и смерть забирает самых лучших, этого даже такие скептики как я понять не могут.

МАКСИМУМ УДОВОЛЬСТВИЯ.

И минимум затрат сил... Таков жизненный Максима. Максим – от максимум... А кто как не женщины больше всего помогают в этом мужчинам. Максим знакомился легко – в этом он был мастер, и точно знал, что означает взгляд очередной незнакомки. Некоторые женщины смотрят на тебя оценивающе, некоторые призывающе, некоторые зазывающе, некоторые... ну да ладно... Как только девушки узнавали, что Максим художник, то сразу размягчались, а его заискивающий мягкий голос, использующий красивые художественные названия: модерн, авангард, ар-нуво, для всяких глупых девиц подобен крысиной дудочке. Женщины, всё-таки, слишком балуют многих из нас, но если бы они знали, как мы, мужчины, отзываемся о них в своих дружеских разговорах, то прониклись бы к нам самым полным

омерзением. Молодые люди любят хвастаться количеством любовных побед, но не Максим, хотя его дегустация, без сомнения, давно перевалила за сотню. И это ещё Макс ненавидел компьютер и не посещал сайты знакомств, - тогда бы он точно погиб от скорого физического истощения. romanrevakshyn.su

Когда-то я занимался интересным спортом, - спортивная дисциплина – ритмическое саморазрушение и литробол, - и достигнул, скажу я вам, на этом увлекательном поприще неплохих спортивных результатов. Но всё изменили эти чёртовы учёные. В одном научно-популярном фильме десять умных рож рассказали мне, дураку, что наука шагнула так широко, что штаны можно порвать. Оказывается, у каждого из ныне живущих чуваков было несколько тысяч предков. Мне это, почему-то, вставило. Нет, думаю, хватит, перехожу на тренерскую работу. Не затем тысячи моих предков боролись за жизнь в ужасных условиях первобытного мира, чтобы я уничтожил то, ради чего они мучились – свою жизнь!

Я не потакал слабостям друга, но и не препятствовал, потому что сам имею уйму недостатков. Всё казалось весёлым, безобидным и интересным, до того дня, когда Макс остался у меня дома, а я поехал со своей девушкой кататься на спортивных велосипедах в ближайший лесопарк. Пока я ездил на велосипеде, Макс катался на других колёсах, и я застал его с сильно расширенным сознанием, сидящим голым в одном носке на диване и чистящим киви бритвенным станком. Это мне показалось уже слишком... Конечно, он был расстроен: три дня до этого Макс почти неделю рисовал новую преподавательницу из изостудии, и та от этого забеременела, что и надломило обычную жизнерадостность Максима. Я и сам чудовищный разгильдяй, но не до такой же степени... Поэтому я ненароком намекнул Макс, что надо бы чем-то ещё заняться, кроме напряженного безделья. Тогда Макс, продолжая сидеть в том же вакханальном виде, стал развивать неясную мысль насчёт того, что хочет заниматься только тем, чем хочет. И даже если бы его картины не приносили никакого дохода, вяло доказывал Макс, и он не продал бы ни одну из них, он всё равно занимался бы только рисованием. romanrevakshyn.su

- И никаких запретов, никаких авторитетов! Полная свобода самовыражения, - Максим закатил мутные глаза к потолку.

- Или вырождения, - поправил его я.

- Понимаешь, не буду я предавать искусство, занимаясь ещё чем-то, если в настоящее время нет вдохновения или ради денег, – героически произнёс Макс, медленно произнося слова. Ну, после картины, проданной американцу, подумал я, ты совсем не страдаешь от отсутствия денег. Шкет очень подозрительно посмотрел на заторможенного Макса – всё ведь, морда, понимает.

- Вот я отбываю в клубе трудовую повинность только из-за денег, и что? – спросил агрессивно я. - Значит, я далёк от искусства? - Максим смущённо откашлялся. – Не всем же быть талантливыми и рисовать птиц на зелёном фоне, – ехидно посетовал я. Мы оба засмеялись; Макс изобразил скромную улыбку застенчивого величия. romanrevakshyn.su

- Кстати, подари мне пару картин, может, поправлю своё мат. положение, особенно если ты окочуриться от наркоты... - продолжал язвить я.

- Ну, это навряд ли... - еле произнёс Макс.

- Что навряд ли?

- Навряд ли поправишь... я имею ввиду. Везёт только раз в жизни. А вот окочуриться – позитивно. Бери и мои картины, и мои деньги сколько угодно... – Мы долго молчали. Потом Макс, как будто решив одуматься, произнёс:

- Что-то эта Светлана Вадимовна не выходит у меня из головы... - Максим задумчиво и печально вздохнул. – Всё, отдамся в хорошие руки: мягкий, пушистый художник, к лотку приучен. Правда, Шкетик! - Мне показалось, что Шкет утвердительно махнул ему головой. Максим, наконец, чтобы меня не смущать, решил сменить свой «коктейльный костюм» - надел джинсы, которые не стирал два года кряду, - всё-таки мы традиционной ориентации, хоть это сейчас и не модно в артистической среде.

Потом мы выпили бутылку самбуки. Так, для аппетита... Потом ещё две... Так, просто чтобы расслабиться... Потом ещё одну... А потом пришёл он – трындец: я неожиданно увидел в окне целый косяк летающих тарелок на фоне облачного неба: «Наконец-то прилетели с юга», - нежно подумал я. До этого мы напивались с Максом водкой, различными ликёрами, самогоном, виски, ромом, джином... теперь вот самбука. И чего я Максиму морочу голову, и так ведь живётся совсем не плохо. Кто о нас, дураках, вспомнит через десять лет после нашей смерти, кому мы будем нужны... - в конце концов, решил я, и блаженно заснул с Васькой в обнимку, хоть он, гад, и пытался от меня смыться.

СТЕПАНЫЧ.

Заметили мы Степаныча после того, как он пьяный стал горланить на весь клуб революционные пионерские песни. На этот счёт отношение в клубе было абсолютно лояльным: хочешь пить – пей, хочешь петь – пой. Попел – и в обморок. Он, видимо, был как раз в том возрасте, когда к вредным хроническим привычкам прибавляются вредные хронические заболевания. Это был довольно молодой человек не старше пятидесяти пяти лет, - возраст детский. Сначала он тусил с двумя брюхатыми типами, в своё время работавшими на подпевке у одной рок группы. Они оба до самозабвения любили пиво и выглядели, само собой разумеется, соответственно: один - как Жатецкий гусь, другой – как Велкопоповецкий козёл. Но их молчаливая грусть его убивала, – Степаныч был трубадуром на пенсии, романтической личностью, и молчание за тремя литрами пива с угрюмыми рокерами никак не входило в его творческие планы - ему хотелось более весёлой компании. romanrevakshyn.su

Именно поэтому, я думаю, Степаныч подсел за наш столик. Мы с Максимом сильно удивились. Судя по демоническому взгляду Степаныча, он только утром вышел из глубочайшего запоя; поэтому ему позарез надо было исповедаться и он, почему-то, избрал нас с Максом, кем-то вроде исповедников.

- Могу рассказать, как правильно повеситься, - сделал нам дельное предложение Степаныч. Оказалось, он несколько раз в жизни неудачно пытался покончить с собой, и теперь мог давать по этой части советы...

Затем Степаныч стал навязчиво и сбивчиво рассказывать нам о своих семейных проблемах. Мы в тот день были не против новых впечатлений... В общем-то, его жизненная история не отличалась оригинальностью. Шесть лет назад, вместо того, чтобы греть геморрой, ожидать наступления пенсионного возраста и собирать на похороны, он женился на тридцатилетней, которая, к тому же, постоянно принимала омолаживающие процедуры, так что выглядела ещё моложе. Но, видимо, при приёме омолаживающих процедур выравнивается не только кожа, но и извилины. Замужество её несколько не обременяло - она изменяла Степанычу и со старыми, и с новыми дружками. Степаныч периодически пытался её образумить, поначалу устраивая разборки в стиле Отелло, но поставить молодую жену на сигнализацию было невозможно. Чтобы обеспечить девушку, ему, несмотря на почтенный возраст, приходилось вкалывать по десять часов в смену слесарем в метродепо, и жена страшно огорчалась, когда он приходил с работы раньше положенного времени. Зато соседи в те дни не раз замечали незнакомых «скалолазов», прыгивающих с балкона. Поэтому Степаныч, смирившись с судьбой, стал, когда рано освобождался с работы, зависать в «Шайзе», находящегося рядом с его домом. Он, как человек добрый, боялся лишнего травматизма молодых людей...

Каким бы не был Степаныч уставшим или больным, - всё-таки он был пожилой человек, - ночью молодуха непременно требовала, чтобы Степаныч выкладывался по полной, - часто женщине больше нравится мужское достоинство, а не сам мужчина. Одно это могло угробить Степаныча... Но он не сдавался, тянулся к прекрасному. romanrevakshyn.su

Тут Шкет, прервав излияния Степаныча, стал тереться о его ноги, по-видимому, почувствовав трагическую горечь в его голосе.

- Шкет, хватит гнать,- Максим подумал, что у пса зачесался бок и потянул его за ошейник. Степаныч поначалу рассмеялся, увидев несуразного Шкета, но заметив на

его шкуре боевые раны, несколько его зауважал и даже погладил. Я предложил Степанычу ещё выпить пива, подумав ненароком, что его душевные излияния следствие галлюцинаций перепоя, но он отказался:

- Хватит трёх бокалов, бросаю пить..., сердце... - посетовал Степаныч. – Это раньше я с каждой полочки покупал водку, был здоров, как бык, а теперь... – покупаю одни лекарства, - печально сообщил Степаныч. – Сейчас у меня как у дальнобойщика – вся жизнь на колёсах... Даление.

После этого разговора мы подружились со Степанычем, и он на некоторое время стал членом молодёжного пьющего коллектива. Попав в панковскую компанию, Степаныч стал молодиться и хорохориться, интересоваться нашей жизнью, но ему было трудно: он постоянно не въезжал в молодёжный сленг.

- Я буду продолжать дело товарища Че! – обмолвилась как-то одна эмма девушка, поправляя на голове чегеварку.

- Че? – не понял Степаныч, – Чебурашки, что ли? – Мы бешено смеялись. Степаныч изо всех сил держал, как он говорил, фасон. Он сильно нас развеселил, когда один наш приятель, собирался закурить самокрутку, но заметив Степаныча, сделал презрительно-подозрительное замечание, что здесь посторонние люди, при которых, лучше не светиться. Степаныч вспылел:

- Слышишь, кент, я курил марихуану, когда твой папа ещё даже не был сперматозоидом! – все дико засмеялись - уважение со стороны молодёжи было полностью завоёвано. А один раз одна новая знакомая с нескрываемым отвращением сказала, что мы водимся со всякой ветошью и старьём:

- Я не старый, я настоявшийся и принявший нужный вкус, - остроумно ответил ей за нас Степаныч, на этот раз, уже не обижаясь; и потом они с этой девушкой часто разговаривали на всякие интимные темы, что называется, по-женски.

Всё же, несмотря весь свой позитив, Степаныч часто о чём-то грустил: чувствовалось, что жена его достаёт. Он как-то откровенно признался:

- Целый месяц, сука, пилит, пилит... Денег дашь – всё, на две недели заткнулась. - Но в последнее время, как он сам поздней рассказал, Степаныч давал ей деньги только на аборты. Однако, и это ничего, но окончательно она его добила, став самой безжалостной активистской крайне реакционного движения «Женщины страны против канала «Спорт»». Спорить с ней насчёт просмотра важного международного матча было всё равно, что одеть шарф «Спартак» и припереться

в сектор «ЦСКА». Ему повезло: в «Шайзе» был рабочий телек и Степаныч, как ветеран, имел приоритетное право на переключение каналов.

Мы также заметили, что Степаныч был вечно голодный и любил плотно, без особого разбору поесть в клубе, хотя большинство из нас не рисковало этого делать: еда там, скажу я вам, для крепких, лужёных желудков, не склонных к гурмании. Его жена, оказывается, дрессировала его едой, как зверя в цирке - сделай то-то, купи то-то, тогда покормлю. Вот сука.

Как-то в клуб неожиданно для всех зашла немøля..., пардон, просто женщина. Её ангельское лицо было выразительным и трогательным из-за огромных глаз на поллица. Она, неожиданно для нас всех, конченных клубных придурков, стала посещать «Шайзе». Звали её Алевтина. Степаныч сразу на неё запал, но долго делал вид, что она ему полностью безразлична. Она тоже, как оказалось, не была к нему равнодушна, и ей самой, в конце концов, несмотря на всю её застенчивость, пришлось проявлять инициативу.

- Вы один? – спросила однажды она, прерывающимся от волнения голосом, подойдя к столику, за которым в полном одиночестве сидел Степаныч.

- Нет, нас двое, - хитро ответил Степаныч, взгляд женщины стал испуганный. - Я и мой склероз! – пошутил Степаныч, она рассмеялась.

- Пожалуйста, присаживайтесь, я и сам... без склероза... хотел... познакомиться... - Степаныч стал волноваться и начал даже заикаться.

- Я увидела, что вы сидите один, погружённый в рассеянную печаль... – покраснев до кончиков ушей, томно сказала женщина. Они постепенно разговорились, через некоторое время волнение прошло, и отдельные фразы перешли в оживлённую беседу.

- Жаль, девушка, что вы замужем, ни то я, как павлин, распустил бы перья, - с большой надеждой произнёс Степаныч, увидев на её правой руке кольцо.

- О, это чисто символически. Вообще-то надо снять, – заметив его взгляд, она повертела кольцо на пальце. - Мы давно с мужем потеряли всякую духовную близость. Знаете, как это бывает... Сначала он звал меня просто ласково, потом звал по батюшке, а потом, после двадцати лет совместной жизни, преимущественно по матушке, - поделилась горечью супружеской жизни Алевтина, и они оба грустно улыбнулись.

- В семейной жизни тяжело первые пятьдесят лет – а потом нормально, - изрёк Степаныч, и они расхохотались. Степаныч вообще вошёл в раж и шутил направо и налево. Он рассказал, что им распределили по работе «огромные» дачные участки. Стал мечтать:

- Заведу какого-нибудь пса...

- Какую породу любите?..

- А, любую... Какого-нибудь лохматого Домосера. Построю на участке собачью будку. А потом, если место ещё останется, то и что-нибудь другое пристрою, - они снова задорно засмеялись. Степаныч явно собрался кого-то в эту пристройку пригласить.

Эти двое стали встречаться в клубе, прекрасно проводя время в душевных разговорах за чашкой чая. Теперь Степанычу было не до молодёжи. Они казались нам идеальной парой, и мы им не мешали, даже специально занимали для них столик.

Неделю Степаныч не приходил домой. Но, как и любого одомашненного животного, его со страшной силой стало тянуть обратно в вольер. В один из вечеров Алевтина не смогла прийти на свидание. Тогда Степаныч не придумал ничего более умного, как позвонить жене, чтобы покаяться в измене и помириться. Но её номер в этот вечер был непременно занят: она как всегда трещала с какой-то чокнутой подругой. Степаныч был готов ждать вечно, но что такое вечность по сравнению с женским разговором по телефону. Это всё решило: терпение Степаныча лопнуло. romanrevakshyn.su

Когда Степаныч, в отсутствии жены, собрал свои вещи, состоявшие из зубной щётки и тапочек, и ушёл, его жена, неожиданно сделав вынужденный перерыв в общении с подругами, три дня беспрестанно ему звонила (было как раз время полочки), но он мужественно и твёрдо ей не отвечал. Вместо этого он выслал ей СМС-кой целый вагон белых роз чётного количества.

ТРАНС.

В клубе, где я работаю, главный контингент – безбашенные студенты. Остальные – офисный никчёмный планктон, думающие, что они что-то значат в этой жизни. Признаюсь, я и сам когда-то хотел быть таким, но потом, слава богу, попустило.

Макс часто приходил ко мне в клуб, как он говорил, «послушать музыку», но что там слушать – не понимаю. Экстази в клубе лилось рекой, верней, уходил мешками, что тоже несказанно радовало Максима. По этому делу он был сомелье, утверждая, что порошок в клубе самого лучшего качества в городе. Шкета, на время развлечений Макс оставлял соседу, дяде Семёну, месяцами сидевшему дома на брудершафт с белочкой, размякшему от жалости к самому себе и совсем не буйному. Макс давал соседу в качестве собачьего корма упаковку суши – он давно приучил Шкета к суши – и, думаю, дядя Семён ел их вместе со Шкетом из одной тарелки. romanrevakshyn.su

Сегодня в клубе было всё как обычно: Dj-ей, то есть ваш покорный слуга, завёл винил, и началась первая часть Марлезонского балета. В этот вечер я начал с издевательства над «Hurts», получалось, по-моему, не плохо: не зря били по рукам в музыкальной школе. Малолетки, быстро опрокинув по дюжине коктейлей, потянулись на танцпол. Старый диджейский стол «Pioneer» часто начинал заедать –

Миха, владелец клуба, такой жмот, - но кто же в наши дни заметит лишний шум: в современной музыке даже скрежет становится модным ритмом.

Макс где-то лазил на просторах клуба, затем я увидел его в самой гуще танцующих (с диджейского пульта отлично виден весь клуб) и сказал ему несколько ласковых в микрофон. Макс помахал мне рукой, а потом жестом, называемым «не пропустите встречу с прекрасным» бестактно указал на девушку, танцующую в общей массе. Когда-то она, по-видимому, занималась балетом; плясать по-современному девушка ну совсем не умела: интересно, скажу я вам, смотреть на балерину, пытающуюся танцевать техно. Несмотря на жару, она была в чулках. Интересно, зачем девушки в жару надевают чулки?

Пока я размышлял над этим важным вопросом, на танцполе неожиданно вспыхнула скоротечная, но кровопролитная драка. Несколько студентов сцепились из-за подруги. В клубе хотя бы раз в неделю непременно возникали жестокие разборки, иногда с пальбой из огнестрельного оружия. Меня самого чуть не подстрелили однажды, спас Олег, менеджер клуба, как раз в этот момент, стоявший напротив и оравший на меня во всё горло. Два месяца после этого мы не видели его гадкую рожу; жаль, конечно, что его заштопали, и он снова появился в клубе. А говорят у нас плохая медицина! Вылечили же такого придурка... Такого холёного и самовлюблённого типа ещё поискать надо: обычно он никого не видел и общался только с теми, кого считал VIP, на остальных у него был синдром начальника: вижу только тогда, когда мне нужен. Теперь он, я уверен, говорит тёлкам, что был ранен в горячей точке.

Студентов растянули охранники, но молодёжь, взбодрённая наркотой, в тот вечер вела себя особенно отвязно. Максим, как я понял, тоже решил не отставать, и начал отрываться и беситься по самой идиотской программе, - стараясь привлечь внимание какой-то новой знакомой, он скорчил уморительную гримасу, зажёл бенгальский огонь и засунул себе в рот. Ну придурок, что с него взять...

Потом он стал подводить к диджейскому пульта *то одну, то другую* девушку «познакомиться с джедаем»; заодно девушки заказывали мне *то одну, то другую* композицию. Наконец, он подошёл с изумительно красивой блондинкой. Сразу было понятно, что девушка – медик, она глубоко пропахла медицинскими дезинфицирующими растворами, которые нельзя было перебить даже парфюмом.

Обычно тёлки в клубе с очень узким кругозором, но эта девушка определённо была с юмором: на её груди болтался кулон в виде гроба. Прикольненький такой гробик,... инкрустированный кристаллами Swarovski. Макс лез из кожи, чтобы понравиться красавице - я его таким никогда не видел. Пришлось дать ему ключи от моего раритетного девять одиннадцатого - давно известно, что не ты имеешь девушку, а твоя машина и кошелёк. Деньги у Макса были...

- Поосторожней с La Pusik-ом, - так я называю свою тачку. Макс подмигнул в ответ и испарился с блондинкой в сторону выхода из клуба. romanrevakshyn.su

Через полчаса к раскачивающейся машине подошёл молодой гаишник, или как их там называют, и настойчиво затарабанил в окно. Вырвавшееся из открывающегося окна облако табачного дыма чуть не снесло ему голову. В окне показалась физиономия Максима с сигаретой в зубах.

- Ё..., офицер, какие проблемы? – нахально спросил он, с радостью вдохнув свежий вечерний воздух.

- Документы на машину.

- Нет документов, это машина друга, - сказал Макс, дерзко выдохнув ровную струйку дыма в лицо молодого сержанта.

- Вы, никак, немного выпили? – спокойно произнёс инспектор.

- Выпил? В жопу пьяный, чувак, - сказал Максим, поднёс себе под нос открытую банку пива и сделал глоток. – Хочешь? – он протянул банку сержанту. Тот взял банку и сделал пару глотков.

- Так, значит управляем транспортным средством в нетрезвом виде, - серьёзно произнёс инспектор, недружелюбно посмотрев на Максима, облизывая губы.

- А мы никуда не едем. Просто решили прогреть мотор и сами погреться, - вяло произнёс Максим, из салона послышался залиvistый девичий смех. Максим снова выдохнул дым прямо в лицо сержанта и тоже вылупился на него явно неприветливым взглядом. - Слушай, ефрейтор, я тут приехал в столицу из самой Горловки, а вы меня тут так встречаете... Не хорошо... - Максим поднял рукав футболки, оголив на плече наколку «made in Ukraine».

Гаишник понял, что парень явно не в себе, хладнокровно посмотрел на Максима, потом на капот машины:

- Так, что это у вас за машина? «Порше»?

- Нет, придурок, «Запорожец», - Максим рассмеялся смехом наркомана, - слышишь, мотор сзади работает! Слушай, оборотень в погонах, - не выдержал абсурдности ситуации Макс, - я не артист разговорного жанра! На, - Максим на этот раз дружелюбно улыбнулся, сбил пепел с сигареты и высунул в окно, зажатую в двух пальцах, стодолларовую купюру. – Иди на хрен, чтоб я тебя больше здесь не видел. - Сержант резко взял купюру, порывисто спрятал её в карман брюк, осмотрелся, немного помялся и пошёл в сторону другой подозрительной машины, припаркованной возле клуба.

Тогда-то у Макса и случился первый приступ эпилепсии. На час он впал, как он потом сказал, «в небольшую кому». Девушка, до смерти перепугавшись, сбежала, оставив в машине туфли.

Через два часа к машине подошёл я, мертвецки пьяный. Я подвинул Макса, еле живого, сел за руль, и мы поехали ко мне домой. Но задача была не лёгкая: если в тебе два литра джина с тоником, то нелегко вести спортивный автомобиль на скорости 250 км. в час.

Очнулся я, когда в окно со стороны, где сидел Максим, громко постучали. Макс проснулся и опустил стекло. В окне показалась голова огромного негра, на которую была одета серая вязаная шапка с надписью «Bob Marley». Он обратился к нам на ломаном русском, шлёпая здоровенными губищами:

- Эй, мужикси, дай закурьть, - хрипло молвила обнаглевшая детина, простуженным голосом. romanrevakshyn.su

- О, чёрт, ёпь твою мать, - безумно закричал Максим - честное слово, я никогда больше не видел Макса таким перепуганным, его глаза были готовы выпрыгнуть из глазниц. – Нас отправили в Африку!.., - остервенело заорал он, - по электронной почте! ... - И он с силой надавил на кнопку, стараясь как можно быстрее закрыть окно - негр еле успел убрать башку. Взгляд у Макса стал безумным, как у загнанного бизона, ну, или как у человека на сто процентной измене. «Жестокий передоз...», - суммировал я, тяжело вздохнув. Голова трещала...

Я вылез из машины, чтобы определить, что мы ещё не в Африке, - всё-таки, большую часть пути я ехал, выпав из сознания. Лучше бы не выходил... Я увидел,

что на заднем левом крыле La Pusik-а какая-то сволочь, пока мы дрыхли, нарисовала граффити. Краска была ещё совсем свежая.

- Вот бл---, - вырвалось у меня, я всплеснул руками. Но внимательно рассмотрев рисунок, я пришёл к неожиданному для себя выводу, что он мне нравится – блин, чувствовалась рука мастера, я даже потом не стал закрашивать... Макс в это время плюнул из окна машины и чуть не попал в проходившую мимо женщину.

- Подонок! – крикнула женщина. Максим ничего против не имел, безразлично уставившись в переднее стекло и высунув язык почти до подбородка.

Осмотревшись вокруг, и задав несколько наводящих вопросов спешащим мимо нас на работу прохожим, я понял, что мы находились в прямо противоположном моему дому районе.

ХАЙ ТЕК ПОСТ МОДЕРН.

Трэш культура... Или наша культура – трэш. Кому как нравится... romanrevakshyn.su

Большинство моих близких знакомых не работают, но у всех есть квартиры, дома, машины и компьютеры. Сразу видно – умные люди, умеют жить. То, что мы отбросы - понятно. Но нас, оказывается, так много...

Один мой приятель, современный писатель, особенно популярный за рубежом, круглый год ходит в колпаке деда Мороза и говорит словами, которые лично из меня лезут только после литра водки. Разница лишь в том, что он при этом до неприличия трезв.

- Сука, или дай сигарету, или е--ть тебя в ж--у. Страна в аварийном состоянии, а ты ни х--я не чешешься, - часто ласково обращается он ко мне при нашей встрече, отлично зная, что я не курю.

- Вот-вот, о том же говорил Ленин в своих письмах к Арманд, - неумело пытаюсь парировать я.

Другой из наших друзей, Сергей Маслов, ежедневно ходит к уличному ларьку выпрашивать деньги на пиво, облакая действие в форму шуточных стихов и частушек. Некоторые специально приходят к ларьку, чтобы его послушать. Ведь такой талант... Приятно, всё же, иногда быть бездарностью... Вообще, я понял, именно к делу добывания денег на выпивку относится изречение нашего бомонда: «Все жанры хороши, кроме скучного». А пойти работать простым рабочим? – Позор. Ведь мы не согласны на что-либо обыденное и мещански-потребительское. Мы считаем, что искусство может заменить нам всё, и жизнь в искусстве - наше главное жизненное предназначение. На самом деле, я думаю, искусство такой же виртуальный самообман, как покупка и владение дорогой красивой вещью. А для создания этой «культурной» вещи требуется такой же «некрасивый» труд и такие же мерзкие отношения между создателями, как и в любом цеху. Мы думаем: наша жизнь наполнена творчеством и больше нам ничего не надо: ни шумных детей, ни обременительных пожилых родителей, ни маразматических родственников, ни опустившихся друзей. А на самом деле у нас, ценителей искусства, в общем-то, в душе такая же тёмная холодная пустота, как и у не ценителей. Кому как не мне это знать, ведь я и сам один из этих полу культурных пропащих людей, у которых ничего нет за душой: ни родины, ни семьи, ни каких-либо жизненных принципов. Кому как не мне это знать... То, что мы моральные уроды – понятно, но нас, оказывается так много...

Ну да ладно, чего я раскудахтался... romanrevakshyn.su

Возле входа в «Шайзе» клуб как-то стали появляться граффити-надписи «зачем». Однажды мы увидели, кто поганит стены: сначала я подумал, что пацан, но немного присмотрелся, протёр глаза, и понял - девушка, лет девятнадцать.

- Эй, ты, «зачем», а ну иди сюда, окрикнул я её, отвлекая от процесса разбрызгивания краски из баллончика. – Хочешь выпить? Пошли в клуб.

Так мы подружались с Викторией, приятной девушкой, но, как мы потом узнали, повёрнутой на компьютерах.

- Ну и зачем это «зачем»? – заинтересовался я.

- А зачем мы вообще живём?!!

- У-у-у, а ты девушка с замашками: куда рванула. В жизни нет смысла.

Её тактико-технические характеристики сразу понравились Макс, и они стали дружить организмами. Через месяц Макс узнал, что у Виктории есть двухгодовалый ребёнок, которого в основном воспитывала бабушка Вики. А ведь мог бы и вообще не узнать, если бы Вика на полном серьёзе не поведала нам, что познакомилась с отцом своего ребёнка через интернет, зачала через интернет и родила через интернет. Оказывается, этот продвинутый чел вживил себе в мошонку двудерный процессор Пентиум Дуо с тактовой частотой 3000 мегагерц, и мог вести осеменение по сети. Мы долго смеялись... romanrevakshyn.su

Однажды Вика пришла со своей младшей сестрой, младше её лет на десять. Ребёнок оказался тоже кликнутым: девочка вошла, уткнувшись в коммуникатор, и просидела всё время, пока мы трепались с Викторией, не сводя глаз с устройства.

- И что ты, деточка, сейчас делаешь? – надменно спросил я, прикинувшись взрослым дядей.

- А ты не вирус? – неожиданно испуганно спросила девочка, как будто ей пришло сообщение со спамом.

- ???

- Ладно, скажу, - снизошла девочка, - сейчас я пытаюсь соединиться с сервером по FTP протоколу, - ответила она, не отвлекаясь от своего занятия. – Хочу настроить РНР и mail. - Больше вопросов к ней у меня не возникало... Вот, уже в раннем возрасте девочка стала технологической дебилочкой, цифровым торчком. Потом коммуникатор зазвонил:

- Вика, материнская плата глючит, спрашивает, где ты по IP. Почему она постоянно меня насчёт тебя достаёт? Я что похожа на модем?- сообщила девочка сестре.

- Скажи ей позже сконектимся, я зависла... в баре. – Вика задумчиво потянула «Кислотный дождь». Да, скажу я вам, коктейль «Кислотный дождь» у Хромого получается изумительно. Лёгкая нотка серной кислоты, оттеняемая еле уловимым вкусом бензина, пикантно бьёт в нос. Я и сам его люблю.

Сестра Вики достала из рюкзака карандаш и стала делать вид, что курит. Вика увидела мой обалдевший взгляд:

- А, это наш папа дал ей закурить в восемь лет. Теперь она так и норовит что-нибудь засунуть в рот. – «Что будет дальше...» - подумал я.

За спиной у меня кто-то громко выругался. По интонации и прокуренному голосу я опознал Юрия Штакетникова – гениального современного поэта - словесное сочетание само по себе звучащее глупо. Ну, а если ещё знать, что по совместительству он ещё и редактор скандального глянцевого журнала, то становится странным, как Юра рисковал приходить без охраны в подобные клоаки. Но я знал для чего он посещал эту помойку – чтобы «обкатать» свои весёлые стишки, которые он называл «Стихиями». В «Шайзе» он стал ходить по совету одного нашего общего знакомого, которому заведение посоветовал я. Публика в клубе была охоча до подобных развлечений. romanrevakshyn.su

Юра демонстративно стал в третью балетную позицию, откашлялся и, не обращая внимания на присутствие малолетнего ребёнка, принялся за декламирование своего свежего произведения, стопудово навеянного ранним юношеским опытом:

И вот он грянул первый секс, величественный, неотвратимый,
И к потолку летят перины, и как ледовые торосы
Под тяжесть её засосов вокруг вздымается паркет.
И жизнь прекрасная такая, и стал бесплатным интернет.

Соседи прыгают в восторге, им чудится здесь стук копыт,
Когда растущий организм, предав свой детский онанизм,
Как пальца два суём в розетку, суёт он чёрт знает в кого.

А жизнь, как трансформаторная будка, гудит в открытое окно.

На этом месте декламации Хромой загремел под наш столик с четырьмя бокалами пива на подносе, и я только услышал окончание стихотворения:

... Ныряешь в бездну её расставленных колен.

И жизнь, как полиэтилен – тягучая до отвращения.

Все, кроме Хромого, зааплодировали. Юра с нескрываемым удовольствием прослушал наши долгие, продолжительные аплодисменты. В этот момент он выглядел великолепно: импозантный мужчина в полном расцвете сил в дорогом бежевом костюме. Если бы я был таксидермистом, то сделал бы из него великолепное чучело.

- Bravo, Юрий, вы становитесь всё более гениальным! Вы давно заслужили эксклюзивное право быть прилюдно сожжённым на костре своих журналов, а теперь ещё стихи... Тянет, в общем-то, на четвертование! – я не смог скрыть своего искреннего восторга.

- Послушайте, Роман, этому телу сорок с лишним лет, и этой голове столько же, и этому лбу соответственно, а за ним мозг - такого же возраста, и не надо пытаться сделать с ним то же самое, что ты сделал со своей женой в первую брачную ночь. – Что я мог ответить талантливому человеку на талантливую эскападу... Юра, судя по интонации, смертельно обиделся на мой язвительный восторг. Я хотел ещё сказать, что у него вместо головы жопа, но испугался, как бы он не накатал по этому поводу новых стихов... Штакетников окатил меня холодным взглядом, и уселся за столик подальше от нас. romanrevakshyn.su

Потом Вика вдруг перестала появляться в «Шайзе», я спросил об этом у Макса. Максим с кислой улыбкой рассказал, что какой-то новый приятель Вики «всандалил ей свежую прошивку», как выразился Макс, и они теперь виснут в каком-то игровом компьютерном клубе.

- На прощание я подарил ей двадцати четырёх портовый коммутатор. - Макс церемонно снял бейсболку и сыграл на губах похоронный марш.

- Если отношения с девушкой зависли, – сказал Максим, меланхолично уставившись в стену, - перегрузись, - описал он свои чувства компьютерной терминологией. - ...желательно, алкоголем. – Я рассмеялся...

Мы с каждым днём всё больше переходим в сеть. С компьютерами легко, с людьми - сложно. Я и сам ненавижу человеческий фактор: то один подведёт, то другой не сделает. То ли дело вычислительные машины, роботы там всякие ...

Мы переходим в сеть!!

Мне мама выколола глазки,
Чтоб я не видел варенье в шкафу,
Пусть я не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо.

НАЖРИСЬ ПО ПОЛНОЙ, ДЕТКА.

Катя – очень тучная девушка. Из-за этого у Екатерины никогда не было парня. Сексуальное удовольствие она получала в основном от хождения по продуктовым магазинам, а потом как пылесос всасывала пищу в себя и от этого получала оргазм. После шести она не ела - начинала в семь и до глубокой ночи... romanrevakshyn.su

Из-за непомерного аппетита Кате приходилось часто менять работу. С удовольствием она работала только в Макдональдсе. И работала бы до сих пор счастливо и спокойно, если бы её оттуда самым жёстким образом не попросили:

ведь жральня чуть не разорилась – в желудке Кати исчезало около сотни Биг Маков в день. После этого Катя попала в чёрный американский список, и её ни в какую не брали ни в одну другую обжираловку.

Тогда-то мы и увидели Катерину в «Шайзе». Вид у неё был, скажу я вам, весёлый, как после клизмы. Было поздно, но Катя специально старалась посещать подозрительные злачные места в самое что ни на есть криминальное время: а вдруг изнасилуют; поэтому она и явилась в «Шайзе». Максим, когда её увидел, грубо обозвал её «мадам Ляжкина» и нахально ей улыбнулся. Как я потом понял, ему повезло, что она его не услышала. До этого я знал только одного человека с ужасающе лишним весом – Николая Водопьянова. Не буду описывать, как он точно выглядел, просто скажу, что если бы скрестили арбуз с человеком, то получился бы Коля. Как сейчас помню, когда Коля ел, то начинал издавать звуки какого-то дикого зверя, что-то вроде рычания или глухого мычания.

Увидев неотразимую физиономию Максима и его хамскую, наглую улыбку, настроение у Екатерины мгновенно улучшилось. Катя, пользуясь раскованными нравами, царившими в клубе, пересела за наш столик: всё-таки она не теряла надежду подцепить симпатичного парня. Максим хоть и скорчил гримасу повесившейся мыши, но стал с ней шутить и перемигиваться, – он был в этот день в отменно хорошем настроении: утром Макс частично покрасил Ваську краской для волос лилового цвета. Прикольно, блин, было смотреть на мечущегося по квартире кота с лиловой гривой. Защитники животных нас бы повесили, я уверен. Я сам бы любого повесил, если бы это не был мой скотина Васька. Максима эта глупая операция почему-то развеселила на несколько дней вперёд.

С тех пор Катя стала почти ежедневно заходить в клуб, и взяла себе за правило постоянно пытаться излить мне душу, заменив собой на этом ответственном посту Степыча. Но попытки излияния, как правило, быстро прерывались, едва начавшись: я - прямолинейный и резкий, а она - капризная и обидчивая: плохая фигура, надо признать, может испортить характер кого угодно. Всё же, иногда нам удавалось поговорить. Как-то раз, одним вечером Катя сама завела разговор о своём лишнем весе. Ну, я честно, без обиняков сказал, что я об этом думаю. Что «толстый» - это, конечно же, диагноз психолога. Если будешь постоянно потакать своему брюху и не иметь никаких других интересов, кроме гастрономических, то

постепенно рано или поздно станешь батоном с ветчиной. Катя, было, стала говорить про врождённые склонности организма, про то, как ей тяжело с этим бороться, но быстро сникла, заметив, что я нисколько не собирался пускать слезу: поняла, видимо, что у меня привилегированная клубная карта общества дофенистов, так что давить на жалость бесполезно. В конце концов, она, всё-таки, приняла мои доводы об узости своих интересов. Ничем, кроме еды она, в общем-то, больше и не интересовалась: ни какой-нибудь карьерой, музыкой какой-нибудь, театром там, книгами... Ну, а о занятиях спортом или гимнастикой вообще не могло быть и речи: пробежаться она могла только чтобы успеть занять место в вагоне метро. Причём, занимала сразу два - на одно, сами понимаете, не помещалась. - Тут она под столиком, как я понял, разулась. Н-да, скажу я вам, такого наплыва спёртого воздуха я давно не испытывал. Катрин, почему-то, предпочитала носить обувь, после которой ноги надо просто выбрасывать. Продолжать разговор стало тяжело... Катя закурила. Почему, интересно, страшные тёлки ещё и курят?

В один из вечеров Максим пришёл в клуб уже сильно «угашенным» и затем развалился на стуле, находясь в каком-то тупо-смутно-мечтательном состоянии, что обычно происходит с ним, когда он задумывается над написанием новой картины. Он хаотично мял пальцами окурков косяка и глупо улыбался, смотря куда-то в сторону Катерины, сидевшей как раз рядом с его мольбертом, прислонённым к стене. Катя восприняла это по-своему и тоже стала глупо улыбаться. Макс это наконец-то заметил:

- Не дам я тебе, Катерина, прожить, не познав любви, - медленно произнёс он, как будто нащупав сюжет, глубоко вздохнул и хитро посмотрел на её пышную грудь.

romanrevakshyn.su

- Вы готовы выдать мне патент на право первой ночи с Катрин, - сказал он, наклонившись ко мне и подмигнув, - я как раз в том самом состоянии...- Я пожал плечами, не воспользовавшись своим правом вето... Из клуба они ушли вместе... Шкет, как обычно, семенил следом.

Рано утром меня разбудил и, само собой, разозлил звонок Кати. Она сразу же начала хныкать в трубку, говоря, что Макс - мерзкая сволочь, полностью разнузданный тип с крайне извращённой фантазией, - я это и так отлично знал.

Когда же через два часа я увидел Максима, то, конечно же, не мог не связать фингал под его левым глазом с его ночным randevу с Екатериной Великой. А когда я стал с ним здороваться, и пожал его руку, он вскрикнул, а потом ещё показал на челюсть, где был серого цвета синяк и промычал что-то вроде: «Наверное, сломана челюсть». Теперь было понятно, почему Катя не боялась тёмного времени суток. Максиму ещё повезло, что не пришлось осваивать костыли.

- Знаешь, чем отличается секс очень пьяного мужика с некрасивой девушкой, от секса очень пьяного мужика с красивой девушкой? – еле открывая рот, произнёс Максим.

- Чем?

- Ничем!

- Тебе видней... - засмеялся я. - Ты зачем обидел Катрин?

- Кто ещё кого обидел, – с удивлением в голосе сказал Максимилиан. - Сначала требует или изнасилуй, или закричу, а потом пытается тебе сломать левую руку в трёх местах. - Я присмотрелся: точно, левая рука у Макса тоже была явно не в порядке.

- Б...ть, она, видно, была голодная, - высказал я мелькнувшую у меня в голове тупую мысль, - поэтому и злая...

Через несколько дней Максим показал мне новую картину - на ней была голая Катя в очень экстравагантной позе. Техника рисования была изумительная, голографическая: под разными углами зрения начинали видеться всё новые и новые детали. Не знаю уж, как Максим смог этому научиться, и какие технологии применял, но я был просто поражён и шокирован. И это с больной то рукой!

- Ты одетых рисовать, как я понял, вообще не умеешь, извращенец, - сказал я ему, не желая хвалить, хотя, мне всё понравилось в картине. Но потом я отошёл подальше, и что же я увидел: картина обнажённой сливалась в другой образ - большую бадью с пирогами...

Теперь эта картина висит в Голландии. romanrevakshyn.su

Катя пошла на курсы массажисток, специализация – мужской массаж...

НИРВАНА.

- Чёрт, су--а, чёрт, - неожиданно заорал Максим, соскакивая с кровати и держа руку в джинсах, - Ромыч, мне хана! – Максим метался по квартире, с засунутой в штаны рукой, и истошно матерился.

- Что случилось? – я еле продрал глаза, так же еле соображая, что происходит.

- Мне сделали обрезание!!! – выпалил Макс. Я моментально протрезвел и проснулся. Вчера с нами могло произойти всё что угодно.

- Как, когда, кто?

- Не помню!.. –

Медленно, но верно память постепенно стала возвращаться ко мне после вчерашнего безобразия. Я вспомнил:

- А-а-а... Ты же сам вчера потащил меня в мечеть на «Новокузнецкой», а потом стал там молиться. Нас, как двух пьяных свиней, стали пинками выгонять, тогда ты

достал пачку баксов и стал орать, что хочешь стать мусульманином, и чтобы тебе сделали обрезание.

- Ха-ха-ха,- во всё горло резко и неожиданно заржал Максим, - попался! Наконец-то ты попался! Наконец-то я тебя разыграл. Никогда не мог...

Первый раз в жизни меня так легко и жестоко разыграли. И кто, лучший друг! Я понял, что Макс совсем слетел с катушек. Я бы его в этот момент убил...

- Придурок! Макс, ты настоящий придурок! Аль-Каида нас казнит: расстреляет солёными огурцами! – я действительно сильно разозлился. Мы поссорились.

Через некоторое время я поостыл и позвонил Максиму, придумав свою месть за его выходку:

- Ты где? – вопрошал я.

- В банке, хочу отложить немного денег на похороны.

- Чьи похороны? – оторопел я.

- Мои, – спокойно ответил Максим.

- Вообще рехнулся! – Макс, чёрт бы его подрал, был сегодня в ударе, он продолжал меня удивлять.

– А я в клубе, Максель, жду тебя в «Шайзе»! – сказал я. Вообще-то, в клуб я не собирался, но похмелье подействовало на подсознание - ноги сами привели в клуб, и я уже двадцать минут сидел за стойкой, наблюдая за тем как Хромой замешивал мне в шейкере какое-то очередное дерьмо со вкусом ананаса. На секунду отвлёкшись от шейкера, он указал на мой нос. Я посмотрелся в мобильник - нос был поцарапан. С трудом, но я вспомнил, как вчера последнюю рюмку я выпивал дома и занюхивал «лиловым» Васькой, оригинально пованивавшим краской. За это, видимо, я и получил от него удар когтями по морде. «Ну, мы вчера были и скоты, - подумал я, - ну прямо животные...»

Макс скоро появился в клубе, ведомый Шкетом.

- Извини, но не смогу завтра зайти на сет в твоём клубе: Шкета некуда пристроить, - неестественно живым после вчерашнего борделя голосом сказал Максим. Оказывается, с соседом Макса возникли трудности: какая-то сердобольная баба из Твери поселилась у него, выбросила семьсот пустых бутылок, отмыла его, откормила, закодировала, переписала квартиру на себя. Теперь дядя Семён не пьёт, исправно ходит в магазин за хлебом, и не берёт Шкета на поруки.

- Вот негодяй,- выругался Максим - ему было всё равно, что человек бросил пить, главное для него было, что это причиняло *ему* неудобства. Макс пустил с десяток дымных «колец» в мою сторону; затем, почувствовав привкус горящего фильтра, бросил окурок в мой недопитый коктейль. romanrevakshyn.su

В клубе зазвучала Nirvana - «Smells like teen spirit». Макс достал из кармана джинсов маленькую плоскую жестяную коробку с надписью «Super Skunk», свернул самокрутку, закурил, затянулся, выдохнул дым изо рта и жадно втянул его в ноздри. И это при том, что он, скорее всего, ещё утром нанюхался «ганджюбаса», - чтобы это понять, не надо было быть наркологом. Я уже давно не видел Максима «чистым». Он надел тёмные очки, чтобы скрыть «палёные» глаза, во взгляде которых стали появляться безумные искорки. Может быть, именно глядя на него, на этого распущенного художника, я решил продолжить оргию, и провести полную водочную церемонию с пельменями. Я сделал заказ.

- Хочешь, переведу, что он поёт? – неожиданно предложил Максим.

- Валяй, - я выпил первую рюмку. Максим стал старательно переводить. Хриплый голос Кобейна диссонировал с мелодичным голосом Макса, но получалось великолепно. «Талантливый человек талантлив во...», - подумал я. "... a mosquito my libido" - вот этого можно было не переводить.

- Bravo, - произнёс я по окончании песни то ли Максу, то ли Курту.

Зелёный решил не выключать Nirvanу, и нам предстояло послушать весь альбом.

- Классно лабаёт! Сильно вставляет... - закричал мне в ухо Макс.

- Н-да... Как гитарой по башке... - я выпил третью рюмку и занюхал пельменем, *уже* начинавшем нехорошо пахнуть.

- Фантасмагорично!

- В смысле? – я ещё не понял, но Макса, по всей видимости, *уже* «накрыло».

- Фердипердосно!

- А-а-а... - тут я, наконец, понял... Понял, что и я *уже*, скорее всего, пьяный в стельку, и церемония подходит к концу. А после окончания церемонии, по ортодоксальному русскому обычаю, следует порыгать пельменями, - они *уже* давно из меня просились. Но я решил не продолжать национальную рутину: выпил десять чашек кофе, потом ещё одиннадцатую. Вроде, полегчало. Потом настал час

выдвигаться домой. Пришло время *привести* Макса в чувства. Я стал *приводить* свою месть в действие, громким, чётким голосом обратившись к Самоедову:

- Дружище, наш межконтинентальный лайнер скоро оторвётся от земли, попрошу пристегнуть ремни. Капитан Пеленгас проведёт краткий инструктаж по использованию подводного оборудования: два часа мы будем находиться на дне Атлантического океана, пережидая пролёт черепашьего тайфуна. Но когда мы вырвемся из глубин и прорвёмся к солнцу, развив десять тысяч киломов в час, используя технологию раздвоения личности, мало никому не покажется!

Представляешь перекошенные морды черепах, повёрнутые в нашу сторону?! Да, они такого никак не ожидали! И в этом наша сущность, друг мой! Побеждать на чужой территории их же оружием. – Настала очередь Максима удивляться, его даже, по-моему, попустило:

- Ну, ты вообще охренел!!! – Макс уставился на меня злодейским отморозенным взглядом. – Я же тебя просил...

- Да, понимаю, друг мой, понимаю, это будет нелегко. Особенно нелегко будет пережить негативные последствия нашего потрясающего успеха: ведь нам сразу начнут дико завидовать. В первую же минуту, как только сенсационная новость ударит в таблоиды, триста пятьдесят с половиной человек от злости вскроют ржавыми гвоздями себе вены; а какая-нибудь проститутка из Арканзаса в знак категорического протеста отдолбит себя деревянной ножкой от стола, - мысли стали отпочковываться от меня со страшной силой. – И это будет только начало, Макс, это будет только начало! А дальше... - я был настроен развивать идею далеко за горизонты фантазии. romanrevakshyn.su

- Не надо, - твёрдо произнёс Максим, - не надо... - он встал, вид у него был как у подышающего зомби. Последний раз, когда я испытывал на нём свои литературные экскременты, вид у него был такой же. Тогда он дал мне ногой в пах.

- Ты хочешь, чтобы мы жили на ограниченной скорости?! Разве мы можем себе это позволить, Макс?! – не унимался я.

- Хватит! – в полном бешенстве заорал на меня Макс. - Хватит! Слышишь, ебаный придурок!!! - О! Этот взгляд Максима! Я его уже видел. Что-что, а мои фантастические испражнения быстро доводили его до бешенства. Макс был готов меня убить. Я это понял. Серьёзно, он бы меня грохнул... Но умирать в тот момент

мне совсем, почему-то, не хотелось, у меня были несколько другие планы... Я быстро поднял руки в знак полной покорности и согласия с его пожеланиями:

- Ладно, ладно, Макс, молчу, могила, всё! Признаю: осёл – моя девичья фамилия, больше ни слова ...

В этот вечер, абсолютно неменяемые, на улице, мы, всё же, подрались. Об этом скорбном событии мне постоянно напоминает толстый шрам на голове, видимый, когда я коротко стригусь. А Максу об этом ежедневно напоминает выбитый передний зуб. Кто же тебе ещё так аккуратно начистит рыло как не лучший друг!

ПУТЬ В НИКУДА.

Монотонную диджейскую бодягу надо, всё-таки, иногда разбавлять, что я и делаю примерно один раз в год. Некоторые читают книги, некоторые идут в кино; одни жрут герыч, другие пьют в гавно. ... А я иду в супермаркет за хавчиком. Обычно мне незачем заморачиваться насчёт продуктов, но раз в год приходится сходить в какой-нибудь супер-гипер-нафиг-маркет набрать жратвы. Хотя большая часть набранного продовольствия так и пропадает в холодильнике, но ритуал я никогда не отменяю: а вдруг война, ядерная зима там, или всякие другие там временные неудобства. romanrevakshyn.su

Поставив машину на огромную стоянку, забитую до отказа тысячами машин, я направился к дверям магазина. Максим был со мной, и тоже поплёлся в магазин, сказав, что до чёртиков любит ходить по супермаркетам. - Через совсем небольшое время я понял, почему он так любит этот интимный процесс. Списков я никаких не пишу - беру всё, что понравится. Мы зашли в магазин. Тут Маку позвонила какая-то свежая подруга; и всё то время, что мы шарахались между полок с продуктами, он без перерыва с ней трепался: очень громко, противно смеясь на манер конченого, и отпуская тупые мерзкие шуточки. Я взял тележку и покатил к отделу морепродуктов. Проходя мимо морозильников с мороженым, Макс, не отрываясь от мобильного, залез в холодильник, достал мороженное, развернул, зажав телефон между головой и плечом, и стал есть. Спросил жестами, буду ли я (вот, что значит настоящий верный друг), но я отказался.

- Воды отошли, говоришь?!.. – громко произнёс Макс, заржав. Люди вокруг нас уставились на Макса. Я повертел указательным пальцем у виска.

- Это вдова Хомякова, - отставив в сторону телефон, пояснил Максим, - такая шалунья... - Кто такой Хомяков я ни малейшего понятия не имел. Наверное, это была какая-то молоденькая «интеллектуалка», которой крупно повезло с мужем, его здоровьем и его наследством. Я выбрал несколько банок с лягушачьими лапками. Никогда не ел. Не знаю даже смогу ли вообще. Но попробовать надо, жизнь-то проходит. Потом взял устриц. Один раз ел. Гадость, но куда без них: аристократическая жизнь требует жертв. Хлеб? Нет, хлеба не надо. Мы такое едим редко. romanrevakshyn.su

- Не делай этого, малышка, ты вспотеешь, потом тебя просквозит, и ты умрёшь от воспаления лёгких. Чьих? Твоих, твоих маленьких лёгких, малышка! Я уже троих таких похоронил, - не унимался Макс. – «Ну, даёт!..» - подумал я. Я давно привык к его экзотическим пристрастиям, но они становились всё страннее и страннее, а Макс становился всё отвязней и отвязней... с каждым днём. Он взял с полки пачку печенья, развернул её и стал есть. «Охрана нас повяжет, - подумал я, - как пить дать повяжет». Но тут же одёрнул себя: «ссыкун...». Я взял шесть коробок эклеров по десять штук в каждой, но чуть-чуть подумал и взял ещё четыре - просто для ровного счёта; и аккуратно сложил всё в тележку.

- Лапа, ты же знаешь я - лучший специалист по липосакции трусов! – опять задорно заорал в трубку Макс, приторно засмеявшись. В этот момент он взял со

стеллажа с напитками бутылку пива и открыл её о край полки, отколол кусок дерева, хотя крышка у бутылки, в принципе, открывалась. Всем своим видом я постарался показать Максиму, как я категорически недоволен его поведением, но он сделал вид, что этого не заметил, опять погрузившись в бестолковую болтовню с этой девкой. Интересно, что она сейчас делает? Никак рождает...

- Бритая?! – очень громко засмеялся Максим, - тогда, пупсик, можно я буду называть тебя Бритни! – Я прыснул со смеха. Ну, Макс и идиот...

- Да, я, ну и что? – Максим резко сменил тон на нарочито официальный. - Возможно, Марта Карловна, я и полудурок, но разве эта ничего не значащая мелочь может стать непреодолимым препятствием между мной и вашей дочерью?! – «А это кто, её мать? - предположил я. – Ладно, не отвлекаемся, продолжаем набивать потребительскую корзину». Две упаковки голландского пива? Ну да, конечно, как же без него. Очень надеюсь, я не буду, выпив его, лазить по деревьям, и стараться забиться в дупло. Об этом пиве рассказывают столько интересного... В это время Максим открыл коробку с тортом, стоящую на полке с кондитерскими изделиями, отломил приличного размера кусок, и стал заталкивать его в рот, воспользовавшись временной передышкой, которую ему предоставили долгие педагогические наставления нервной мамы. В конце концов, он проглотил кусок, запил пивом, и вытер руки об себя. Руки у Макса всегда были грязные. Мыл ли он их когда-нибудь вообще? Не знаю, не видел.

- И заметьте, Марта Карловна, - снова включился в разговор Максим, ковыряясь длинным ногтем безымянного пальца в зубах, - я всего этого добился исключительно сам: и должности безработного, и статуса бездомного, мне никто не помогал! Клянусь, никто! – Точно, говорит с какой-то малахольной мамашей, у которой хватает тупого упорства разговаривать с весёлым нариком-художником. Я пожалел, что Максим пошёл со мной. Наконец, я подъехал к кассе:

- Это всё ваше? – спросила очень симпатичная кассирша-блондинка, взглянув на коробки, упаковки, пакеты, на меня и на Макса, жующего «Сникерс».

- Моё, - гордо произнёс я, и чтобы усилить эффект своей зажиточности, взял со стеллажа, стоящего возле кассы, четыре пачки презервативов и положил поверх коробок с эклерами. Рядом стояла стойка, заполненная книгами, и журналами с обложками, на которых ухмылялись рожи знаменитостей. Максим (как он только

смог разглядеть) указал мне Сникерсом» на книгу в обложке, стилизованной под старину: «Книга о пользе пьянства и табакокурения».

- Читали эту книжку? – спросил Мак игривым голосом кассиршу, монотонно «пикавшую» мой жрачный хлам, положив книгу на движущийся прилавок.

- Нет, - безэмоционально ответила кассирша с выражением лица и движениями, напоминавшими куклу-робота. Максим скептически посмотрел на меня, как бы говоря: «Девушка красивая, всё при ней, ... кроме чувства юмора».

romanrevakshyn.su

Расплатившись, я потащил тележку к машине. Макс, как человек имеющий шестое чувство, взял у меня ключи от машины и неожиданно исчез. На автостоянке меня догнал охранник в чёрном псевдovoенном костюме:

- Это с тобой был такой лохматый идиот в порванной серой футболке?

- Нет, - замотал головой я, пожав плечами, как бы вспоминая, был ли кто со мной вообще или я с Луны свалился. Охранник грустно посмотрел на меня, как бы говоря: «Что ж ты врешь, гондон», - огляделся по сторонам, сказал: «Чёрт с тобой», и пошёл осматривать стоянку. Но Макса ему было не суждено найти – тот уже сидел в тонированной машине, продолжая трепаться по телефону. Еле запихнув продукты в багажник, я сел в машину, мрачно взглянув на Максима. Максим только «застенчиво» улыбнулся, достал сигарету и закурил. Мы поехали. Продолжив свой путь. Путь в никуда.

ЭТО ГРЕХ.

"Всё, что я люблю, всё, что я делаю – это грех", поют «Pet shop boys». Правда, по другому поводу...

Главы государства *стали* верующими. Бывшие парт аппаратчики *стали* настоятелями: какая разница кого пасти – соц. граждан или монахов.

Встретил я тут в «Шайзе» одного типа, Эдуарда, учились вместе в школе, когда я, приехав из Сибири, «допросиживал» штаны в последнем классе, - для того, чтобы увидеть долбаного придурка, ему достаточно было всего лишь посмотретья в зеркало. Ещё учась в нашей заеденной вшами школе, он выказывал большие способности, и было сразу ясно, что он либо надолго пойдёт в тюрьму, либо станет министром. В конце концов, купив себе путёвку в турагентстве «Курорты Магадана», он засел в разных зонах отдыха, обтянутых колючей проволокой. Подхватив там гепатит и *вступив* в общество коллективных онанистов, он вернулся оттуда глубоко верующим человеком. Дома он тут же быстренько *вступил* в секту адвентистов или свидетелей, или ещё каких-то фанатиков, и стал ходить по округе и проповедовать. Ну и теперь, пользуясь моим безвольным характером, решил и мне повтирать, видимо, вспомнив, как он в школе неоднократно давал мне по морде. Голос у него теперь стал елейным, сладким и мелодичным, как будто он был воспитан хором мальчиков. Я его голос сперва и не узнал, когда мы встретились:

- Грядёт Мессия! – Кто-то неожиданно произнёс елейным голосом у меня за спиной. Я обернулся и увидел Эдуарда, одетого в тёмно серую футболку и отутюженные брюки. На футболке была надпись «Love theory: $s=ex^2$ ». Н-да, в отличие от голоса, эту рожу я бы узнал, когда и где угодно, хоть она и сильно осунулась.

- Передай ему от меня привет, Эдуардий, - не воодушевился я. Он, как-то неожиданно расстроился, признав меня, и нервно сплюнул – прямо мне на ботинок. В общем-то, он плюнул не на обувь, а прямо мне в подсознание, вспомнил, значит, козляра своего любимого школьного врага. Он, как и раньше, был больной на всю оставшуюся голову; ничего не изменилось, даже после пресловутого «полного уверования». romanrevakshyn.su

- Ты совсем не изменился! – кисло усмехнулся я. – Чтоб я сдох!

- Как ты можешь так говорить!? Эй... - перекрестился Эдик.

- Над смертью, Эдичка, надо *шутить*, тогда она обидится и не придёт к тебе, - *пошутил* я, подтвердив тем самым самые худшие опасения Эдуарда, что и я, как и он, ничуть не изменился и остался таким же уродом и жалкой личностью.

Я тогда был не в настроении. Макса не было: он, как всегда обдолбившись, подвязался на улице нарисовать какого-то типа за двести рублей, но когда тот увидел портрет, то, гадина, сдал умиравшего со смеху Макса ментам, которые тоже дико ржали. Но меня поведение Максима больше не веселило, оно начинало напоминать агонию. Так что не прошло и двух секунд после того как я увидел Эдуарда в «Шайзе», а во мне уже разыгрались добрые чувства: меня тут же начало мутить и появилось непреодолимое желание его прибить. Сейчас, принимая во внимание его расшатанный жизненными невзгодами организм, я сделал бы это с лёгкостью. Эдуард, почему-то, не заметил моего внутреннего порыва, или не захотел замечать, хотя всё было написано на моей роже. Почему все подряд хотят мне излить свою душу или навешать на уши? Интересно, на кого я похож? Наверное, на галимого лошару... Эта мысль в который раз посетила мой усталый мозг, особенно когда Эдик, несмотря на мою злую физию, начал рассказывать мне, что, работая в заключении на каких-то «секретных глубоких рудниках» он неожиданно пришёл к истинной вере. Очевидно, хорошо организованный рабский труд и интенсивная работа на несвежем воздухе отлично прочищают мозги. Как он только не стал мутантом? Или стал... Всем известно, что в исправительных учреждениях они не исправляются, а как раз наоборот - тюрьма для большинства преступников является чем-то вроде курсов повышения квалификации: приобретаются новые профессии, оттачивается мастерство, заводятся новые связи, строятся совместные планы на будущее... Я так понял, Эдуард переквалифицировался: стал посланником цивилизаторской миссии. Ну и Эдик,

развернув свой надувной алтарь, стал рассказывать мне основы учения его долбаной сатанинской секты. Это был реальный удар. Признаюсь, такой ереси, скажу я вам, я даже представить себе не мог, хотя и имею до предела извращённую фантазию. Пересказывать теорию бессмысленно, да и не получится так цветасто и феерично как у него, одно только могу сказать: если бы Гитлер не написал «Майн кампф» - это сделал бы Эдуард. Тектонические подвижки его разума, произошедшие за время «работы» на «руднике» и пребывании в секте, давно сбросили его в самую бездну ада. Жаль, что Иван Никифорович Золотухин умер, ни то я дал бы ему визитку Эдуарда (которую он мне всунул в руку) и сказал бы, где его точно искать. romanrevakshyn.su

Шокированный перспективами нового божественного порядка и впечатлённый его рассказом, я, неожиданно для себя, словил себя на том, что невольно заинтересовался личностью Эдуарда: блин, не каждый день натыкаешься на людей, научившихся так гнать. Он явно продвинулся за то время, что я его не видел. Эдуард естественнейшим образом вписался в галерею упадочных и порочных негодяев, моральных уродов, извращенцев и мерзостей, которых я встречаю почти каждый день в течение двадцати пяти лет. Живем-то мы в небывало интересное время – время подонков. Я был готов подставить уши под новую лапшу, но Эдуард, уловив мой лоховской порыв, пока клиент не «остыл», тут же предложил мне внести посильную материальную лепту в сектантскую кассу. Скорей всего, он так всех разводит: сперва бьёт ниже пояса, то есть по голове, а потом, пока подопытный не очухается, «чистит» насчёт бабла. Я напрямую спросил, куда он денет деньги. И Эдуард мог бы напрямую мне сказать, что он их пропьёт или потратит на шлюху, и тогда я со спокойной душой дал бы ему, честное слово. Но привычка лгать была сильнее его, и Эдуард продолжил быть косноязычным и скользким, опять став витиевато блуждать по закоулкам моих атрофированных мозгов. Я устал. «Н-да, - подумал я, - если прилепить этот язык к подмёткам ботинок – это будет самая скользкая обувь, какую только можно найти. Хрен тебе, а не деньги!» - На этом мы и расстались. Я больше не стал с ним общаться, побоявшись, что он, ненароком, из наших разговоров поймет на какой стадии развития обезьяны он находится. Эдуард, ясен перец, расстался чрезвычайно недовольным... На прощание он попросил меня «дать ему на время поносить мою курточку», которая ему очень

понравилась, но я сказал, что она и мне самому очень даже доставляет удовольствие.

Он ещё месяца три ездил по району, на у кого-то «заимствованном» детском велосипеде, «проповедуя». А потом умыкнул общак секты, и опять отправился отдыхать на Северо-восток страны, откуда уже не вернулся. romanrevakshyn.su

После этой встречи я стал всё чаще размышлять на эту тему: конечно, все беды в нашем мире от слишком здравомыслящих и трезвых атеистов... А Бог, Бог – он в сердце, а не в рассказах всяких там сомнительных типов. Даже если они одеты в рясу...

Проходя мимо церкви, стоящей неподалёку от моего дома, я то и дело стал поглядывать на купола. Тем не менее, я до сих пор никогда не подаю просящим. Возлюби ближнего, как себя самого сказал Спаситель. А если и себя не любишь...

Paninero. Аминь.

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ АПОФЕОЗ.

Так что, всё, вроде бы, не плохо. Вот только Макс умер от передозировки.